

Зоосемиотика и антропосемиотика

Джон Дили

КОЛЛЕДЖ СЕНТ-ВИНСЕНТ В ЛАТРОБЕ (ПЕНСИЛЬВАНИЯ, США)

(пер. с англ. А. С. Центнер)

Аннотация. Данное исследование представляет собой главу из книги «Основы семиотики» известного американского философа и семиотика Джона Дили. Автор описывает содержание опыта как основу семиозиса. Зоосемиозис и антропосемиозис рассматриваются в терминах *Umwelt*, *Innenwelt*, *Lebenswelt*. В работе детально исследуются отношения между такими понятиями, как репрезентация и знак, объект и вещь, код и идея. Рассматривая видоспецифический человеческий семиозис, автор анализирует «условность» знаков в антропосемиозисе, критицизм как исследование текстуальности и предлагает семиотику в качестве матрицы всех наук.

Ключевые слова: зоосемиотика, антропосемиотика, семиозис, *Umwelt*, *Innenwelt*, *Lebenswelt*, видоспецифический, знак, код, идея, текстуальность, критицизм.

УДК 81'22

Контактная информация: Дили Джон, профессор философии Колледжа Сент-Винсент в Латробе (300 Fraser Purchase Road Latrobe, PA 15650-2690 | P: 724-532-6600)

Дили Дж. Зоосемиотика и антропосемиотика // Критика и семиотика. 2017. № 1. С. 140–188.

ISSN 2307-1737. Критика и семиотика. 2017. № 1

© Дж. Дили, 2017

© А. С. Центнер, пер., 2017

Классическая философия могла многое сказать об Аристотелевской дефиниции человеческого существа как «разумного животного». Проблема состояла в том, что в этом определении термин «животное» так или иначе никогда не воспринимался всерьез, и дискуссия зачастую была сосредоточена на демонстрации контраста между «бытием разумным» и «бытием животным» таким образом, что значимость «животного начала» утрачивалась. В крайнем случае – в трудах Декарта (1637, 1641) [Descartes, 1955a; 1955b] – этот контраст был выделен настолько, что превратился в свою полную противоположность, и на место прежней дефиниции человеческого существа было предложено новое определение его как «мыслящей вещи».

«Мыслящие вещи» (люди) противопоставлялись «вещам протяженным» – всем телам, к которым относились и животные, но не человек. Таким образом, античная дефиниция раздвоилась: первая часть (обозначавшая уникальность человеческого по сравнению с животным) превратилась в полное определение человеческого существа, в то время как вторая часть (обозначавшая что-то общее для людей и других видов или типов живых существ, обладающих когнитивной системой) была призвана редуцировать все иные типы существ до некоего материального единообразия, которое стало полным определением того, что противопоставляется человеку и отличается от него, а именно определением тел любого рода.

Истоки этого современного дуализма сознания и тела лежат в определенной интерпретации мысленных образов разума, а именно как объектов, данных в непосредственном опыте. Как мы увидим, мысленный образ, таким образом, трактуемый как объективная репрезентация – как объект, не являющийся знаком, – несовместим с трактовкой мысленных образов как знаков. Может быть, подозревая эту несовместимость, Локк, предлагая ввести семиотику в систему человеческого знания, видел первую задачу семиотики в соотношении «мысленных образов» (внутренней стороны знания) со словами (внешним проявлением знания) посредством знака, потому что верно полагал: успешное выполнение этой задачи приведет к совершенно иной оценке знания и опыта, чем та, что формировалась в современных ему философских доктринах, включая его собственную.

Семиотическое понимание того, что представляет собой человеческое существо, может быть только результатом этой совершенно иной оценки. Если мы решим предложить, например, «лингвистическое животное» в качестве семиотической дефиниции, то обнаружим, что для того, чтобы трактовать определяемые термины с позиций семиотики, нам не удастся избежать серьезного отношения к «животному началу», хотя бы для того, чтобы понять язык. То, что в выражении стоит на первом месте, будет толковаться во вторую очередь при интерпретации этого выражения. Так, в выражении «лингвистическое животное» для понимания термина «лингвистический» предполагается не только знание того, что значит «живот-

ное», а именно Umwelt, но и дифференциация объективных отношений, охватывающих Umwelt, не сверху, автономно или извне, но изнутри.

1. Содержание опыта

Хотя семиотика относится к когнитивному измерению опыта, она не основывается в первую очередь на какой-либо теории. В первую очередь она основывается на процессе – процессе семиозиса – в частности потому, что этот процесс отвечает за саму возможность и за какие бы то ни было условия для получения опыта любым живым существом. В определенных случаях (таких, как наш собственный), размышляя над этими существующими условиями, можно прийти к выводу, что они сами являются объектом в силу своей специфики, а именно полной зависимости опыта от действия знаков. В этот момент рефлексивного озарения для семиотики наступает момент антропосемиозиса.

Подобно любому другому продукту рефлексии, семиотика не обошлась в своем развитии без заблуждений, неудачных попыток и захождения в тупик. Возможно, вначале отдельной проблемой, наиболее часто связанной с размышлениями о знаке, было проведение границы между знаком и репрезентацией и, как следствие, границы между сигнификацией и репрезентацией. Мы уже касались этого различия, в частности, в главе 4, но здесь также будут полезны некоторые дополнительные замечания. Путаница возникает из-за того факта, что каждый знак должен быть репрезентацией, но поскольку каждая сигнификация включает в себя репрезентацию, не каждая репрезентация должна быть знаком. Другими словами, знак – это репрезентация определенного типа, и только определенного типа, в то время как репрезентация может быть знаком, а может и не быть им.

Репрезентация может быть направлена на саму себя или что-то, отличное от нее. В первом случае она конституирует объект и только во втором случае – знак. Именно поэтому, как мы видели в главе 4, знак в свойственной ему – предельной – сущности всегда включает в себя ясную связь. Пользуясь установленными ранее техническими терминами, мы можем сказать, что репрезентация как таковая, возможно, является только трансцендентальной связью, в то время как знак, в свою очередь, всегда является онтологическим отношением.

В знаке трансцендентальный элемент отношения – репрезентативный фактор – является лишь базисным, т. е. фундаментом, или основанием, на котором базируется онтологическое отношение к чему-либо еще, сигнификату, или означаемому. Формально в этом отношении к чему-то иному и состоит знак.

В случае с репрезентацией как таковой то, что является базисным, и то, что является формальным, может совпадать (случай объективной саморе-

презентации). Если это происходит, репрезентация существует как объект осознания. Но в случае со знаком базисное (репрезентация, закладывающая основание и создающая отношение сигнификации) и формальное (отношение сигнификации самой по себе) никогда не совпадают. Как я уже ранее объяснял в технических дискуссиях, это вопрос модальности (см.: [Deely, 1986d, p. 39–40]).

В результате, хотя объект и может эмпирически функционировать как знак, ему не обязательно таким образом функционировать (луна, хорошо известная древним, никогда не служила для них напоминанием об американской космической программе «Аполлон» 1970-х годов, и нет необходимости как-то соединять бога Аполлона и луну, чтобы обозначить данную программу космических полетов). И знак, т. е. объект, может, таким образом, перестать быть знаком в любом заданном отношении для любого заданного случая или примера осознания (как в случае, когда мы завязываем узелок, чтобы запомнить что-то, а потом забываем, о чем он должен нам напоминать, или когда мы не можем вспомнить слово, которое до этого нашли в словаре и т. д.).

Вероятно, наиболее распространенной причиной непонимания роли знака в непосредственном опыте было, с исторической точки зрения, смешивание знака как такового и репрезентаций. Это смешивание привело Декарта и Локка к постулированию идей как объектов нашего осознания и затем к усиленным попыткам выяснить, как эти саморепрезентации могли бы или не могли бы быть причинно-следственно связаны с вымышленным (не пережитым непосредственно) существованием неосознаваемых вещей или похожи на него. И, тем не менее, в какой-то момент приходит понимание того, что объекты как таковые всегда являются репрезентациями, но репрезентации как таковые никогда не являются знаками, и становится ясно, что к каким бы протяженным идеям не относились знаки, они скорее отличны от объектов нашего осознания здесь и сейчас, чем сходны с ними. Различие между репрезентацией и знаком, что важно для семиотики, – это различие между объектом и знаком. Какая-либо репрезентация может быть или не быть объектом, но наличие объекта необходимо для существования репрезентации, в то время как для существования знака наличие лишь репрезентации недостаточно.

Это чрезвычайно важные различия, полное понимание которых включает немало нюансов. Точкой входа в семиотическое понимание идей как знаков является точка отхода от современных толкований идей как репрезентаций, как объектов, которые мы непосредственно осознаем, когда думаем о них. Точно так же, как знаки, идеи скорее отделяются от означаемых ими объектов, чем идентифицируются с ними, и означенные объекты, становясь, в свою очередь, знаками, сами начинают отличаться от того, что они означают. Будучи означаемыми, объекты всегда предполагают наличие отношения к чему-то иному, чем они сами, от чего зависит их

существование в качестве объектов, потому что, будучи объектами, они существуют именно как нечто осознаваемое. Несомненно, их существование в качестве объекта является, в конечном счете, дополнением такого отношения.

Тем не менее основание такого объективного отношения, – элемент репрезентации в означивании – не обязательно должно само являться объектом, это было бы невозможно в каждом случае. Существование объектов, репрезентированных иначе, чем то, что репрезентируется, предполагает наличие среди репрезентирующих элементов по меньшей мере нескольких, лежащих в основе объективности и не являющихся частью этого непосредственного основания. Наличие в непосредственном опыте объектов, которые, в свою очередь, означают другие объекты, не должно быть причиной затемнения данного фундаментального момента, если позиция семиотики должна быть успешно достигнута. Это второй нюанс, от которого очень сильно зависит успешное достижение семиотической точки зрения.

Необходимость в объективно воспринимаемом элементе как двигателе знака важна не для функционирования знака как такового, но лишь для трансформации уже самих по себе известных объектов также и в знаки других объектов. К тому же важная функция знака состоит в том, чтобы, в первую очередь, представить объект. Так как в этом случае внутреннее свойство организма – психологическое состояние или состояние нервной системы, на основании которых объект существует как нечто известное с самого начала, уже служит для порождения отношения, при котором указанное свойство делает возможным осознание того, что то, чем он является, не обязательно объект. Объект может сам по себе функционировать как знак других объектов или выводиться дедуктивно как «перевернутый знак», чтобы отграничить переживание соответствующей ему идеи или психологического состояния, на основании которой или которого он существует здесь и сейчас как нечто переживаемое или известное. Но знаки на основе объективности никогда не представляют себя самих непосредственно как объекты. Это простой и неоспоримый факт, вероятность которого объясняется (причина этой вероятности задана) существованием знака, по существу, выше субъективности того, к чему он имеет отношение, как мы уже видели в главе 4.

Объекты непосредственного опыта как таковые, таким образом, зависят в каждом случае от знаков, и они сами далее дифференцируются в непосредственном опыте в другие знаки, так что один объект, который, будучи объектом, репрезентирует себя, способен через различного рода ассоциации репрезентировать помимо себя другие объекты. Таким образом, один объект может быть как знаком, так и самостоятельным объектом.

Но объекты растворяются в непосредственном опыте не только до знаков. Они также растворяются (или распадаются) на объекты различных

типов. Сейчас мы подходим к третьему нюансу, от которого зависит понимание главной точки входа в семиотику: так же, как знаки предшествуют объекту и отличаются от них в непосредственном опыте, так и объекты предшествуют вещам и отличаются от вещей, с которыми они случайно оказываются частично идентичными. На самом примитивном уровне опыта и на уровне самых сложных переживаний определенные элементы объективности, вне всякого сомнения, являются также исходными элементами физического окружения. Но они объективны не в силу того, что они исходны. Будучи исходными, в своей исходности они бы вообще не были объективными в нашем понимании. Всё, что является объективным, существует посредством актуальной репрезентации, т. е. как познанное или известное. Если что-то, существуя как известное, также случайно существует целиком или частично физически, т. е. независимо от познания, тогда мы говорим, что это что-то является не только объектом, но и вещью – случай «физического объекта». Таким образом, в пределах нашего непосредственного опыта вещи присутствуют среди объектов и среди того, знаками чего могут стать объекты. Но объекты могут также быть и становиться знаками не-вещей, ошибок, заблуждений, лжи, желаний или фантазий различного рода, включая реализуемые мечты о будущем – лучшим, чем уже предвещает то, что в настоящий момент существует. Что-то, что известно, является, как таковое – т. е. как известное – объективным, будь это Гамлет или Наполеон. Но что-то, существующее объективно, может (в случае с Гамлетом) или не может (как в случае с Наполеоном) существовать *только* объективно.

Поэтому мы не собираемся выходить за границы непосредственного опыта, вводя здесь понятие «вещь», так как именно внутри этих границ некоторые из объектов представляются как обладающие существованием, выходящим за пределы знания о них. Понятие вещей в их отличии как от объектов, так и от знаков, неизбежно и довольно рано появляется в опыте каждого из нас, хотя противодействие, с которым встречаются наши желания и, более того, наши ожидания настолько регулярно, что нет ни одного взрослого (реального или мыслимого), который бы не имел представления о своем окружении, включающем в себя огромное разнообразие объектов, обладающих бытием или существованием, выходящим за рамки индивидуального опыта, а именно в том смысле, что многое из этого разнообразия предшествует индивидуальному «я», многое из этого неизвестно индивидуальному «я» (полно сюрпризов, желанных и нежеланных), и многое из этого будет существовать и после индивидуального «я».

Вещи, в более общем смысле, являются чем-то, что в моем опыте переживается, не редуцируясь лишь до моего опыта, связанного с этим, и, более того, имеет воплощение в структурах окружающей действительности, не являясь лишь плодом мышления или воображения, но также су-

существует в надлежащем виде, в физическом, или «реальном», – в том смысле, что это что-то имеет место не только в моих мыслях. Одним словом, вещи обладают телами.

Однако обратите внимание, что трансформационная семиотика также влияет на наше использование распространенного термина «объективный». Слово «объект» и его дериваты следует изъять из обычного употребления и сделать *termini technici* в контексте семиотики. «Объект», или «объективная структура», отсылает, в отличие от разнообразных обычных употреблений, к тому, чем вещи становятся посредством непосредственного опыта и в самом опыте. Объекты не являются тем, чем являются вещи, первичные по отношению к опыту и независимые от него. Объекты являются тем, чем становятся вещи, однажды непосредственно познанные, т. е. однажды приобретшие существование, предшествующее опыту. Но объекты – это не только познанные вещи. Объекты – это больше, чем вещи, даже если – что не всегда бывает – они являются только вещами. Объекты всегда включают в себя, так сказать, некое «отношение к наблюдателю», или, точнее, к познающему организму. Вещи лишь иногда предполагают такое отношение.

В рамках непосредственного опыта статус объектов, не предназначенных быть знаками, и других объектов, подходящих для этого, очень неустойчив не из-за недостаточности чего-либо в знаке, а из-за нестабильности статуса объектов как таковых. Эта нестабильность характеризует объект независимо от того, является ли данный объект (звезда или, скажем, вампир) также исходным физическим элементом окружающей среды, причем, как мы видели, каждый тип объекта, как и каждая объективность и объективная структура, является встроенным в непосредственный опыт, обязан своим существованием знаку. Казалось бы, производный и неустойчивый статус знаков, объективно существующих в системе непосредственного опыта, объясняется тем, что любой объект может стать знаком любого другого объекта, и каждый объект в опыте начинается как знак или быстро становится знаком некоторых других объектов (зависящих от контекста и меняющихся с течением времени).

И, тем не менее, сохраняется определенная константность, лежащая в основе этих заметных колебаний. То, что не меняется, остается инвариантным на основе опыта, – роль знака, дающего существование объектам какого бы то ни было типа и обеспечивающего условия для их развития и трансформаций.

Таким образом, если придерживаться строгих позиций непосредственного опыта (а это, безусловно, необходимо во всех контекстах, в которых мы надеемся избежать введения в заблуждение), знак не является одной вещью среди многих других: знак вообще не является какой-либо вещью или даже отдельным классом объектов. Будучи типом объекта или объективной структуры, контрастирующей с другими объективными структура-

ми, знак чрезвычайно нестабилен и произволен, потому что как раз такими все вещи – а не только некоторые из них – становятся в опыте. Но самое главное, знак не является ни вещью, ни объектом, но паттерном, согласно которому вещи и объекты соединяются, чтобы создать ткань непосредственного опыта, где одна часть так стоит за другую, что целое приобретает большее или меньшее «значение» в различное время и в разнообразных контекстах.

Статус знака – причем он сам по себе не является заметным или воспринимаемым предметом (даже если такой предмет служит его основой или «средством распространения»), но та организация подобных предметов, в соответствии с которой они имеют значение и обеспечивают наполнение смыслом познаваемых объектов, – является, как мы увидим, ключом к процессам лингвистического семиозиса более высокого уровня, который, как мы также увидим, проводит разделительную черту между человеческими формами жизни и другими животными. Объективация этого интеллигибельного (постижимого умом), но незаметного и индифферентного статуса как такового и введение для рассмотрения объектов такого аспекта, как условность (*stipulability*), как мы увидим далее, конституирует антропосемиозис в его отличии от зоосемиозиса и маркирует истоки языка (первичного по отношению к его экзаптации для коммуникации, например, в речевой деятельности) как дистинктивной моделирующей системы¹.

Но чтобы детально развить эту точку зрения, нам нужно прежде более полно рассмотреть идею облечения в материальную форму как фундаментальную объективную структуру. Выше мы видели, что идея обладания телом присуща тому типу объектов, которые также являются вещами. Но не только вещи имеют тела. Облечение в материальную форму – это общий феномен опыта, поскольку, с чем бы мы ни сталкивались, что бы ни изучали или чем бы ни делились посредством опыта, – всё это имеет один аспект, понятный благодаря сенсорной модальности, будь это физическое существование меток или звуков, представляемых внутри языка и призванных создать некий текст (мы бы даже сказали, литературный *корпус*). Здесь обнаруживается и выражается некий объект размышлений, который (как мы узнаем при случае, в то время как в других случаях мы знаем –

¹ Эдвард Т. Холл [Hall, 1976, p. 57] отмечает, что «язык не является (как принято считать) системой для передачи мыслей или смыслов из одного мозга в другой; он является системой организации информации и вызывания мыслей и откликов в других организмах. Материалы для любого понимания в этом мире существуют в зарождающейся форме, часто несформулированные, но, тем не менее, уже в самом человеке. Кто-то может вызывать их различными способами, но не способен поместить их в разум других людей. Опыт делает это за нас...». Мы спрашиваем, каким должно быть устройство опыта, чтобы обеспечить материал для догадок, которые язык приспособлен (*exapted*) вызывать в собеседниках?

или думаем, что знаем, – с самого начала) не имеет никакого иного тела, кроме текстового. Примером являются средневековый единорог, античный минотавр или небесные сферы, ставшие причиной осуждения Галилея и заключения его под стражу.

Как раз это мы имели в виду, упоминая выше, что необходимо различать наше понимание объектов как познанных вещей и понимание объектов, которые могут являться, а могут и не являться вещами. Вещь, познанная, и объект познания – не совсем одно и то же. Конечно, каждая вещь, познанная на самом деле, есть объект познания (опыта). Но не каждый объект познания является вещью, в том смысле, что имеет – как указывает опыт в случае с природой – существование, предшествующее человеческому сообществу и независимое от воплощения в материальную форму, в рамках этого сообщества.

Наглядно это различие показывают объекты, которые иногда идентичны физическим вещам, такие как «Полярная звезда», называющая нечто уникальное, природное, реально существующее, контекстуально связанное со специфическим культурным, но также и магнетическим и планетарным фреймом референции. Иногда объекты идентифицируются с физическими вещами, не достигая уникальной идентичности с ними, – как границей между Айовой и Иллинойсом на определенной протяженности является река Миссисипи или как президент Соединенных Штатов изначально идентифицировался с Дж. Вашингтоном и лишь позже с целым рядом преемников. Иногда физические структуры создаются для подтверждения их реальности, но не являются никоим образом идентичными объекту, который они локально изображают. Так, статуя Ромула и Рема – основателей Рима, или статуя минотавра обладают физическим аспектом вещи, притом что этот физический аспект не является тем, что свойственно ее объективности, в отличие от горного потока, который регистрируется опытом как объект, обладающий физическим существованием, строго соответствующим его объективности, являющимся ее неотъемлемой частью. Итак, слишком многие объекты опыта, помимо своего воплощения в текстах, не существуют физически. Как мы полагаем, Золушка с ее хрустальной туфелькой и каретой-тыквой вполне реальна, в некотором смысле скалы и звезды таковыми не являются. Небесные сферы, которые, как долгое время считали, объединяют все звезды, как оказалось, не объединяют их вовсе. Звезды оказались телами, а сферы – ничем иным, как всего лишь вымыслом, вырезанным из цельного полотна опыта при понимании, которое перепутало их реальность с физическим существованием, свойственным вещам, становящимся объектами, т. е. познанными.

Таким образом, мы тем лучше видим, что мир опыта как познанный является совершенно реальным, лепрекон не менее реален, чем раковая клетка или серебряная пуля (используемая для уничтожения оборотней), или горный поток. Мы видим также, что физическая сфера (physical uni-

verse) со своей материальной стороны существует внутри объективной сферы опыта (objective universe of experience) и является ее частью, в самом деле, как каркас и обивка, если можно так сказать. Но мы также видим, что реальный и физический миры ни в коем случае не совпадают, так как каждый простирается в своем роде далеко за пределы другого.

Конечно, строго говоря, только реальный мир во всем многообразии, в смешении с физическими качествами, существует как познанный. Физическое окружение не может также существовать или не существовать, – то есть реально, или как познанное, – и притом только частично. Во всяком случае, это понятие физического бытия и существования, которое опыт накладывает на каждого из нас, понимание, что то, что познается нами в опыте в материальной форме, превосходит редуцируемое до нашего опыта, так что, вне всякого сомнения, есть «вещи, которые нам еще предстоит изучить и вещи, которые мы никогда не будем знать».

Особенно интересный аспект необходимого условия, чтобы объекты имели материальное воплощение, будь оно лишь «текстовым» или лингвистическим в смысле формы изложения некоторым разумным способом, относимым к системе языка, проявляется в тех случаях, когда рассматриваемые объекты при дефинировании являются полностью независимыми от телесного мира: в случае с воображаемыми духами или ангелами и богом западной религиозной веры. Здесь объективное воплощение – тексты, объясняющие и полемизирующие о природе и реальности этих существей, – как раз отрицает, что является квинтэссенцией объекта, познанного через рассуждение о нем. Этот пример представляет собой резкий контраст, скажем, с единорогом, который, как оказалось, лишь иногда нуждается в телесной форме за пределами дискурсивного, или текстового, *корпуса*.

Хотя эти соображения едва ли исчерпывают многообразие способов, которыми переплетаются реальность и физическое существование, или бытие, они, вероятно, достаточны, чтобы доказать верность точки зрения, высказанной в предыдущих главах, в целом, контраст между двумя системами или структурами, которые не являются абсолютно идентичными, даже если иногда совпадают. Реальное и физическое взаимозависимо, не будучи одинаково протяженным во времени или в пространстве и не будучи выразимыми одним и тем же образом. Этот последний пункт чрезвычайно важен и должен быть непременно учтен. Структура опыта и структура природы по этой причине являются относительно независимыми переменными.

Таким образом, мы получили общее правило: физическая сущность, обнаруживаясь в опыте как вовлечение измерения, которое выходит за границы опыта, также обнаруживается материально, обеспечивая опыт необходимым содержимым. Иначе говоря, опыт, не редуцируясь до точек, в которых физическое и реальное бытие совпадают, формально состоит

в объективной структуре, воплощенной посредством сетки физических отношений, которые не были бы тем, чем они являются, помимо опыта, но они также и не являются полностью опытом как таковым. Реальный мир (мир опыта) вдруг начинает частично охватывать и частично реструктурировать физическое окружение, внутри которого он поддерживается. Это также верно для биосемиотической сети реальных миров, рассматриваемых в совокупности (ср. [Bargatzky, 1978; Lovelock, 1972; 1979; 1988]).

Таким образом, мы видим, что действие, свойственное знакам, находится в центре взаимодействия между объективной и физической сущностью, которая составляет опыт и иллюстрирует этим процессом, что знак должен быть, как мы видели в главе 4, лишь относительной сущностью, чтобы функционировать и выступать в своей роли посредника за пределами динамики физических взаимодействий (материальных и физических или психологических и психических, как указывал Пирс [Peirce, 1906, 5.484], присоединяясь к мнению Пуансо [Poinsot, 1632a, 195/3–9, 18–29]). Знак проявляет себя в семиозисе вовсе не как физическая вещь, даже не как специфический тип и вариант объекта. Знак возникает, скорее, как сцепление, в силу чего объекты, телесные или исключительно объективные (реальные) сущности, начинают выступать один за другой в некотором отдельном контексте или паутине опыта.

Семиотическая паутина, как оказывается, охватывает не только живой мир (биосферу) или лишь царство познающих организмов. Так называемый физический мир сам по себе существует внутри мира опыта. Но то, что он познан опытным путем, не означает, что физический мир следует называть физическим. Если он познан, как мы уже видели, правильно будет называть его *объективным* (реальным). *Дальнейшая* дифференциация объектов опыта на те, которые являются *также* реально существующими, и те, которые являются *только* объектами опыта, сама является делом опыта. Давняя дихотомия между субъективным с одной стороны, включающим все, что является частным или иллюзорным, и объективным с другой стороны, к которому относится то, что является общественным, реальным и независимым от наблюдателя, просто не способна остаться состоятельной при тщательном взвешивании и рассмотрении, учитывая единственный инструмент, которым мы владеем для дифференциации правильного (или более сильного) и неправильного (или менее сильного). Необходима трихотомия, и при этом трихотомия специфического рода.

Чрезвычайно важной категорией познанного как такового является категория объективного: что бы ни существовало каким бы то ни было образом как известное. В этом смысле объективному противопоставляется и физическое, т. е. вещи окружающей среды, исходные по отношению к опыту и способные как таковые сохраняться при его утрате, и субъективное, т. е. психологические или психические глубины индивидуального,

насколько они недоступны объективно здесь и сейчас. Другими словами, мы имеем трихотомию, в которой субъект находится в центре паутины отношений, включающих именно некоторый объективный мир. Благодаря паутине каждый субъект также вплетен в другие паутины с другими центрами, в совокупности составляющими объективную взаимосвязанную сеть. Нити и жгуты этой сети перекрещивающихся паутин захватывают аспекты индивидуальностей, которые существуют посредством своего телесного измерения как элементы, активные в физическом окружении за пределами тех способов, которыми субъект познает эту окружающую среду и реконструирует ее структурно как объективный мир, общий с некоторыми другими субъектами. Жгуты этой сети поддерживают эти аспекты для тщательного изучения с центральных перспектив и тем самым объективируют индивидуальные аспекты и включают их как аспекты чего-либо другого, т. е. *Umwelt*, общий объективный мир в его отличии от окружающей среды.

2. Видоспецифические объективные миры

При таком понимании объективности полезная идея, которую стоит обсудить, говоря о бытии знаков как конструируемых посредством познания мира, исключительно объективного, – это идея *Umwelt*. Впервые она была сформулирована в конце XIX в. исследователем-биологом Якобом фон Икскюлем и развивалась в дальнейших исследованиях и в следующем столетии²; сегодня эта идея, с важными модификациями по сравнению с ее изначально чрезмерным кантианством и излишним антиэволюционным контекстом формулировок, обычно используется в семиотике в связи с учением о знаках.

Окружающая среда, избирательно сконструированная и организованная в соответствии со специфическими потребностями и интересами отдельного организма, составляет некий *Umwelt*. Этот *Umwelt*, таким образом, зависит от *Innenwelt* (или когнитивной карты, формируемой внутри каждой особи) и соотносится с ним. *Innenwelt* позволяет особи ориентироваться в окружающей среде и встраиваться в сеть коммуникации, интересов, добывания пропитания, разделяемую главным образом с особями того же вида. Если бы организм не мог достаточно объективироваться от окружающей среды, чтобы схватить свою добычу, например, он бы не смог, как более или менее образно заметил Жакоб, выжить и рассказать эту историю потомкам [Jacob, 1982, p. 56].

Конечно, возможность точного совпадения окружающей среды с объективными элементами, действительно осознанными в опыте и неопределенно растяжимыми посредством критического контроля объективации,

² Jakob von Uexküll, 1899–1940.

находится в основе науки и составляет базу и основание всех исследований и экспериментов, по праву называемых научными. Но эта возможность как критически верифицируемая уже относится к специфической черте – текстуальности, как мы еще увидим, – причем исключительно человеческий Umwelt, Lebenswelt, как его иногда называют, является уникально пластичным Umwelt, открытым, как никакой другой Umwelt на этой планете, для воссоздания в соответствии с альтернативными линиями объективации и внутри себя, и в своих отношениях с внешней окружающей средой, физической по своей сути.

В принципе, Umwelt, таким образом, является «моделью мира» с точки зрения возможности: это один из бесконечного числа вариантов возможных альтернатив, в соответствии с которыми чисто физические детали окружающей среды могут быть организованы и включены в некоторую архитектурную надстройку возможных переживаний, если говорить о той или иной биологической форме. Но с точки зрения его обитателей, Umwelt является действительным миром опыта и ежедневной реальности. По сравнению с этим действительным миром опыта исходный физический в собственном ему бытии вторичен, произведен и не обязательно осознается в соответствии с внутренними требованиями его собственного бытия.

В настоящее время мы думаем, например, что в общем человеческий Umwelt, включающий в себя институт рабства, является менее приемлемым видоспецифическим ареалом обитания, чем какой-либо свободный от рабства. «Модель мира» XX в. резко отличается от «модели мира», в которой обитали древние греки, апостол Павел, средневековый человек и т. д. и которая была приемлемой для них. Umwelt Спарты резко отличался от Umwelt Афин, и, большей частью, присвоение физических ресурсов в пределах общей среды обитания производилось для определения того, какая когнитивная модель должна доминировать над другой или даже вытеснить ее. Рим стремился разрушить не столько физическую оболочку карфагенского Umwelt, сколько сам Umwelt, защищаемый этой оболочкой.

Понятие реальности и понятие Umwelt с точки зрения опыта неразделимы. Но отличительной особенностью человеческого опыта в сравнении с исключительно чувственно структурированным осознанием является постижимость того, что Umwelt и окружающая среда (или физическое окружение) не являются одинаково протяженными во времени и пространстве. Из одного лишь этого подозрения, чем понимание отличается от чувства, вырастают инициативы науки и технологий, с одной стороны, и моральные принципы в отличие от повадок, с другой.

Следовательно, проблема функционирования знака в контексте нашего собственного опыта является, в основном, проблемой общего источника всех Umwelten (проявление объективности *при осознании ее отличия*

от физической окружающей среды как таковой) и, формально, проблемой появления внутри объективности *осознания ее отличия* от физического окружения. Это второе осознание является, как мы увидим, эквивалентным изобретению языка или (что сводится к тому же самому) появлению текстуальности. Могут существовать формы семиозиса, действующие в самой физической природе, предшествующей появлению чего-либо живого и, конечно, продолжающегося независимо от нее. Но только благодаря Umwelt мы сталкиваемся с первым – с феноменом семиозиса во всей его полной реальности, эксплицитным осознанием функции, имеющей существенное значение для знака: «направление» («*geferral*») или отсылка («*renvoi*»), слово, которым Якобсон, как Себеок прекрасно описал это, «искусно захватил или фиксировал все до единого знаковые процессы, в соответствии с классической формулой *aliquid stat pro aliquo*» (одна вещь обозначает другую) [Sebeok, 1984a, p. 66]³, которая, тем не менее, требует двойного пересмотра, как я позднее осознал, если, с одной стороны, она должна избегать даже возможности картезианской интерпретации [Deely, 1993a] и, с другой стороны, должна учитывать троичность при идентификации знака как минимальных *троичных* отношений [Deely, 2001a, p. 721–722].

Это относится к наиболее важным замечаниям, которые нужно сделать, говоря о знаке: нет объекта, который *в своей объективности* не зависит от одновременного функционирования знака, превращающего настоящий момент в опыте во что-то отличное от него, во что-то, чем он сам не является.

Следующее замечание, касающееся того, что считать видоспецифическим в опыте применительно к человеческому Umwelt, удачно выражено в наблюдении Маритена [Maritain, 1957, p. 52–54]: с одной стороны, животные, отличные от людей, пользуются знаками, но они не знают, что это знаки; с другой стороны, рождение языка и понимание отношения сигнификации как такового (как отличие от знака – средства передачи или осмысленного воплощения знака как основы семиозиса, так же как и от объекта означаемого) представляют собой одно и то же. Потому что «то, что определяет язык, – это не употребление слов или даже общепринятых зна-

³ Эта формула, которую Якобсон использует (1979) как предоставляющую «ретроспективный взгляд на развитие семиотики». Это до известной степени отличная формула, хотя я запоздало пришел к пониманию (см. две следующие сноски), что она не всегда полностью способна передать суть позднелатинской формулы («*id quod representat aliud a se potentiae cognoscenti*») в ее отрицании античной, установленной стоицизмом и августицианством связи знака с осмысленным содержанием как средством его передачи («*signum est quod praeter species quas ingerit sensui, aliud facit in cognitionem venire*»), с одной стороны, и, с другой стороны, полностью охватить внутренне присущую семиозису открытость неограниченным виртуальностям.

ков; это использование каких бы то ни было знаков с привлечением знания или осознания отношения сигнификации»⁴. Так, отношение как таковое составляет знак в свойственном ему существовании формально и точно, а не фундаментально и чувственно: «и, следовательно, составляет потенциальную бесконечность» – то, что более поздние авторы назвали «неограниченным семиозисом» (*unlimited semiosis*); «это использование знаков настолько, насколько явно, что сознание постигло и выявило отношение сигнификации».

Этот трюк допускает возможность существования текста и тем самым устанавливает границу, за пределами которой зоосемиозис становится специфически антропосемиотическим. В этот момент специфически замкнутому *Umwelt* открываются перспективы бесконечности; зоосемиозис становится антропосемиозисом, способным к бесконечной прогрессии⁵.

3. Видоспецифический человеческий семиозис

Однажды отношение сигнификации было постигнуто само по себе, как отличное от отдельного объекта, обозначающего другой отдельный означаемый объект; стало возможным отграничить это отношение от любого отдельного объективного носителя знака и, взяв это невидимое содержание как таковое в качестве основы для дальнейших репрезентаций, присоединить его к какому-либо иному объекту.

⁴ Семиотический подход к языку, которого мы придерживаемся, таким образом, поддерживает спорную точку зрения Пирса (с.1902а: 1.250), состоящую в том, что «вопрос происхождения языка» является одним из тех, «что должны быть прояснены, прежде чем лингвистика примет свою окончательную форму», в отличие от Парижского Лингвистического Общества, которое приняло в качестве второго пункта своего устава (*Statuts*) (1868: 3), что не следует допускать никаких обсуждений, касающихся происхождения языка, в рамках лингвистической науки.

⁵ Sebeok [1989b, p. 83], резюмируя, в сущности, античное противоречие, представляющее огромный интерес для учения о знаках (cf. Peirce 1632a: Second Preamble, esp. 102/23-25 and 102/36-105/13; Appendix C, esp. 380/23-381/40), наблюдает, вероятно, вопреки идеалистической формулировке, получившей распространение среди писателей от семиотики (*semiotic literati*) в неправильной форме, а именно, что «семиозис ни в коем случае не является неограниченным (возможно, за исключением метафизического смысла). Но что не может произойти в семиозисе, виртуальном или обычном, – это как раз то, что происходит в семиозисе означаемом во всей его реальности, – то есть, при создании текста: отношения как таковые создаются, чтобы заложить другие отношения (и, конечно, нет ничего, что помешает, в частности, физике благодаря антропосемиозису, посредством которого физика и математика, от которых он зависит, существуют в модальной перспективе, строить гипотезы и в результате утверждать обратное).

Таким образом, семиотика объясняет бесконечную генерируемость в области антропосемиозиса и предложений в языке в частности, постулируя [Chomsky, 1968] отдельный «дар языка», отличный от интеллекта.

Соответственно этот иной объект будет теперь служить вместо исходного, т. е. будет служить основанием для отношения, которое изначально было заложено где-то в другом месте. Благодаря возможности подобного выбора, возникает новый вид знака и новый способ сигнификации, – условный знак (*stipulable sign*).

То, что мы называем «лингвистическими знаками» является специфическим вариантом или подвидом условного знака. Члены этого подвида в основном абсолютно случайны, хотя естественны, поскольку они состоят в родстве не менее, чем (и точно настолько же, как) другие виды знаков, например: знаки, воплощающие связи, которые являются физическими, до того, как становятся также объективными и социальными (такие, как связи между тучами и дождем или дымом и огнем); или знаки, сформированные отношениями, которые являются объективными скорее ассоциативно, а не физически (такие, как связи между светом свечей и влюбленными, салфетками и едой); или связи, которые являются скорее регулятивными (такие, как нажатие кнопки и получение порции еды), чем условными; или социальные знаки, следующие за языком, воплощающим связи, которые являются лишь объективными и культурными (такие, как связь между флагом и страной). Способность постигать действительную условность лингвистических знаков, в отличие от создания ассоциаций, основанных на их воспринимаемых аспектах, является лишь тем, что понимается под «интеллектом» в видоспецифическом смысле лингвистической компетенции⁶. Эта способность является», как говорит Йохансен [Johansen, 1985, p. 279], «подвидом семиотической компетенции», которая оказывает влияние на биологическую видоспецифическую компетенцию вместе с развивающимся историческим параметром в ламарковском понимании, таким образом вводя в объективный мир видов проникающий элемент текстуальности.

Используя прежнюю терминологию образов и идей наряду с концептуальными допущениями, чем является пре-зоосемиотика, Маритен попытался описать эту ситуацию так. Обычно в развитии ребенка обязательно, чтобы идея «предписывалась» чувствами и проживалась прежде, чем рож-

⁶ Это также значение «интеллектуальной жизни» в том смысле, в котором радиоастрономы всерьез ищут среди физических стимулов те, что интерпретируются объективно, при помощи своих примечательных (и, без сомнения, примечательно примитивных) инструментов. Неправдоподобно, что такой жизненный мир – радикально гибкий и открытый *Lebenswelt*, который, как Гуссерль показал на основе точных и гуманитарных наук, в отличие от *Umwelten*, является в лучшем случае частично гибким и, в конечном счете, инкапсулированным целым других видов, – лишь однажды устанавливается и лишь в одном месте в физической полноте исходного окружения. Однако именно внутри *Umwelt* таких видов, способных обозначать последующие намерения физически объективных проникновений в их сферу, и начинается понимание знака, в отличие от простого употребления.

далась как идея; необходимо, чтобы взаимосвязь сигнификации сначала активно *задействовалась* в жесте, в плаче, в сенсорном знаке, связанном с желанием, которую он выражает. Знание этой взаимосвязи сигнификации появится позже, и это будет наличие *идеи* того, что означается (даже если идея в основном имплицитна). Животные и дети пользуются этой сигнификацией; но они не осознают этого. Когда ребенок начинает осознавать ее (и затем пользоваться ею, играть с ней, даже в отсутствие реальной необходимости, с которой она соотносится), в этот момент возникает идея [Maritain, 1957, p. 53].

Но это описание не достигнет своей цели, пока *в дальнейшем* не будет разъяснено, что отделение взаимосвязи от родственных элементов достижимо таким образом, что отношение в его действительном существовании в качестве чего-то незначительного, может стать объективной основой или базой, которая непосредственно как таковая (т. е. как незначительная), способна *в дальнейшем* служить для того, чтобы представлять и означать вновь какую-либо другую взаимосвязь. (Прерывается ли та другая взаимосвязь на некотором объекте, также являющимся незначительным, в свою очередь, не так важно, хотя это и акцентирует внимание на том, что характерно для рассматриваемого семиозиса). Например, собака, которая хочет, чтобы ее вывели на прогулку, действительно может научиться притворяться, что ей нужно удовлетворить естественные потребности, манипулируя, таким образом, своим хозяином – «даже при отсутствии действительной нужды». И тем не менее, и в такой момент у нее не возникает какая-либо идея в рассматриваемом смысле, неважно, насколько игривой становится собака в своих попытках.

В основе различия между человеческим Umwelt и Umwelt других организмов, имеющих когнитивные способности, лежит «идея» в этом специфическом семиотическом смысле: взаимосвязь, сама по себе составляющая сигнификацию, в то же время захвачена в своей действительной сущности неразличимо и заметно и данным означаемым, и данным носителем знака – и, таким образом, является отделяемой от любого данного носителя и прикрепляемой к любому другому носителю, а также направляемой к некоторому иному объекту или к тому же самому объекту, но в его новом прикреплении. Это различие делает возможным текст как таковой.

Тексты бывают не только литературными. Они могут быть в принципе любой физической структурой, созданной, чтобы воплощать идеи в семиотическом смысле. На самом деле, в этом радикальном смысле (ср.: [Danow, 1987]) вся культура является текстом. В этом смысле, культура, будучи текстом, есть сеть знаков, чья решетка соединений образована узловыми критическими пунктами, хотя и не из всех узловых пунктов (что было бы невозможным; например, раздвижение внешней границы в «Поминках по Финнегану» Джойса). Эти критические узловые пункты избираются по-разному и призваны дифференцировать уровни в отдельных случаях,

но также, будучи избранными и впоследствии, в сущности, отделенными от исходных вариантов и *натурализованными* посредством традиционных образцов (habit-patterns) какого-либо сообщества в качестве «обычаев» в строгом смысле – «способа, которым мы здесь что-либо делаем (преимущественно, не задумываясь)».

Сеть обладает иерархической или квазиерархической структурой, коррелирующей с физической стороной объектов, познанных внутри фрейма этой сети ⁷. Таким образом, технологический артефакт воплощает в себе критически контролируемые и оговоренные принципы относительности не менее, чем художественное или литературное творение, и все три послужат документальным свидетельством для некоторых будущих историков или антропологов или инопланетян, стремящихся понять современный нам человеческий Umwelt. Однако в то время как объективные отношения, воплощенные в технологическом устройстве, *напрямую* соот-

⁷ Кстати, здесь будет уместно замечание Ельмслева относительно наивного реализма [Hjelmslev, 1961, p. 22–23]: «Наивный реализм, вероятно, предполагает, что анализ состоит лишь в том, чтобы разделить данный объект на части, т. е. на другие объекты, которые также будут разделены на части, т. е. на по-прежнему иные объекты, и т. д. Но даже наивный реализм столкнется с выбором между несколькими возможными путями разделения. Вскоре станет очевидным, что важным является не разделение объекта на части, а проведение анализа, что соответствует взаимным зависимостям между этими частями и позволяет нам отдавать себе о них адекватный отчет. Лишь таким способом анализ становится адекватным и, с точки зрения метафизической теории знания, можно сказать, способным отражать “природу” объекта и его частей. <...>

Если мы в полной мере представим последствия этого, мы сделаем вывод, который будет наиболее важным для понимания принципа анализа: и анализируемый объект, и его части существуют только благодаря этим зависимостям; в целом рассматриваемый объект может быть определен только при помощи полной суммы его частей; и каждая из его частей может быть определена только благодаря зависимостям, которые соединяют ее с другими согласованными частями в единое целое, и с его частями следующего уровня, и посредством суммы этих зависимостей части нового уровня соединяются между собой. После того, как мы осознали это, “объекты” наивного реализма, с нашей точки зрения, являются не чем иным, как пересечением множества таких зависимостей. Иначе говоря, только с их помощью объекты могут быть описаны, только таким путем определены и научно поняты. Зависимости, которые наивный реализм считает вторичными, подразумевая объекты, становятся с этой точки зрения первичными, предпосылаемыми их пересечениями».

Пуансо [Poinso, 1632, 270/39-43, passim], применяя формулу Казтана (1507), создал внутри своей семиотики почву для точки зрения Ельмслева: «Различие вещей *как таковых* в значительной мере отличается от различия вещей *как объектов* и существования объекта; вещи, которые более или менее различаются в одном ряду, могут вообще не различаться в другом ряду или различаться иным образом».

носятся также с его физическим строением *как таковым*, чтобы оно могло функционировать в качестве инструмента, объективные отношения, воплощенные в художественной структуре, доминируют над ее физическим строением в целом совершенно иным образом. В конце концов, объективные отношения, составляющие / конституирующие литературное произведение, обычно являются величиной относительно свободной в том, что касается их воплощения, т. е. их чувственно осязаемой основы. По этой причине письменная речь склонна функционировать как первичный аналог нашего понимания текста, поскольку здесь отношение сигнификации / означивания представлено не только как предмет критического (т. е. культурного) контроля, но также и в наиболее субъективной форме критического контроля (т. е. в лингвистической форме), в то же время сохраняя постоянство внешнего представления (письменная речь в отличие от устной речи). Создание текста, таким образом, подразумевает осознание различий между физическим окружением и объективным миром и обыгрывание этих различий, при котором создается система знаков, обусловленная одновременным эксплицитным осознанием этих различий и их подчеркиванием. Создание текста основано на понимании того, что «роль объекта в семиозисе, – как пишет Йохансен [Johansen, 1985, p. 235], – не ограничивается его существованием в качестве элемента эмпирической ситуации, интерпретируемой для того, чтобы определить, применим символ или нет». Создание текста, следовательно, должно происходить при свободном использовании знаков для структурирования объективной реальности при помощи очертаний и способов, понятных только существу того же вида, с точным осознанием того, что другой организм будет способен разделить это понимание и постичь знаки, созданные на его основе (иначе говоря, постичь структуру знака, закодированную в соответствии с паттернами, которые не редуцируются и не являются доступными для восприятия органами чувств как таковыми). Таким образом, создание текста – это функция размышления.

Для понимания этой функции необходимо разъяснение двух терминов: код и идея.

4. «Условность» знаков в антропосемиозисе

Если термин «идея» дефинируется с точки зрения семиотики, т. е. как индивидуальное открытие отношений, связей и различий между знаком и означаемым, то возникает вопрос: как разъяснить эту мысль? Каким образом отношение сигнификации, понимаемое само по себе как отделимое от данного носителя знака и присоединяемое скорее к иному носителю знака, проявляется в этих различиях? Это вопрос, ответить на который предлагается при помощи термина «код». Другими словами, идея

в Innenwelt, так же как код в Umwelt, является видоспецифически свойственной человеку (безотносительно от его местоположения на планете). Понять, что представляет собой текст, и понять, в чем состоит своеобразие человеческого жизненного мира (human lifeworld), – одно и то же. Ощущения, получаемые животным, которое учится посредством опыта, и убеждения человеческого животного как субъекта рационального критицизма – ключи к текстуальности как видоспецифической человеческой форме объективности. Мы выделяем две различные иконические формы «мысленных образов» («fancies»):

- образы, производные от корреляции между объектами, которые доступны как таковые органам чувств (конкретное специфическое биологическое материальное воплощение) и сводимы к данной корреляции;
- представления или идеи, выражающие отношения сигнификации, будучи присущими им как отношениям (т. е. как индифферентные к их субъективной основе и, следовательно, отделимые от любого конкретного носителя знака как объекта присоединения к какой-либо объективной основе где-то еще и иным способом). Идеи в этом смысле, представления в рамках мировосприятия, уникальны и видоспецифически характерны для антропосемиозиса.

Однако, чтобы создать базу для *общих* (коллективно используемых) представлений, эти идеи должны быть воплощены в общедоступной объективной структуре, которая необязательно совпадает с их воплощением, существующим в коре головного мозга индивидуума, которому принадлежит данная идея. Данное объективное отношение, проявляющееся в его отделимости, должно быть не только отделяемо, но и присоединяемо куда-либо: ему должна быть *назначена* новая основа таким образом, чтобы эта новая основа могла, в свою очередь, быть пережита, постижима в опыте / использована как носитель знака относительно объективной реальности, изначально постигнутой где-то еще. Код является корреляцией и соотношением чувственно воспринимаемого элемента с какой-либо объективной реальностью, понимаемой как коррелированная с чем-либо. Идея должна коррелировать с некоторым физическим элементом в рамках опыта, взятым в качестве основания для отношения, в котором идея эксплицитно заключается. Эта корреляция является тем, что и образует *код*, отличая его от идеи.

Как код, так и идея – логические интерпретанты⁸, однако логическая интерпретанта рассматривается то со стороны Innenwelt (идея), то со сто-

⁸ Интерпретанта в целом является основой, опираясь на которую объект функционирует как знак. Следовательно, интерпретанты существуют в тех точках семиозиса, в которых объекты трансформируются в знаки или одни знаки трансформируются в другие. Идеи являются интерпретантами, однако не все интерпретанты являются идеями: интерпретанты как таковые могут быть одинаково материальными или даже ментальными. Они определяют точки инновации в семиозисе

роны Umwelt (код). Таким образом, код служит медиумом и регулирует отношения между объектами общедоступным образом. Мастерство кодирования заключается в частичном дублировании идей (в достаточном объеме, как следует отметить) внутри дешифратора после исходного кодирования и, в связи с этим, сообщении в определенной мере *общего представления (интерсубъективный момент)* в пределах и за пределами совместно воспринимаемой объективной реальности. Umwelt, само по себе полностью обусловленное видоспецифическими ограничениями биологического наследования, теперь модифицировано и переструктурировано изнутри дополнительными объективными отношениями, непосредственно не ограниченными биологическим наследованием. Одним словом, код относится к познанному объекту, а идея – к познающему организму. Оба равным образом служат образованию, передаче, определению или уточнению отношений зависимости, которые составляют объективный мир в его целостном существовании в качестве категоризатора физического мира.

До сих пор мы отмечали, что семиозис, в полном смысле слова – деятельность знаков, простирается далеко за пределы культуры, даже за пределы животных сообществ, включая в себя динамику растительной жизни и даже динамику химических соединений и физических свойств и феноменов вплоть до квантового уровня в той мере, в какой имеет место проблема *последствий (future outcomes)* и *управляемого законом взаимодействия (law governed interaction)*. Наше внимание сконцентрировано на эксплицитном поглощении и перераспределении элементов физической среды внутри реляционной сети объективного мира через когнитивно опосредованный опыт. Мы нацелены на конструирование видоспецифических Umwelten, соответствующих Innenwelten, предусматривая наличие ближайшего вида, по контрасту с которым специфическое отличие человеческого мира – Lebenswelt – могло бы стать явным.

Это отличие, как мы теперь видим, – текстуальность, точнее, включение посредством понимания в объективный мир отношений, не основанных на воспринимаемых органами чувств элементах как таковых, Umwelt, коррелирующего с видоспецифическим биологическим наследием. Эти отношения меняют объективную реальность, познанную в опыте, и добавляют к этому опыту элемент контроля как некую вероятность.

Такой контроль не является в чистом виде чем-то модифицированным или модифицируемым посредством мускульных усилий и намерений организма (возьмем, к примеру, бобра, рассматривающего горный поток до и после постройки своей плотины), но является в полном смысле распознаванием возможного в его объективной сущности как отличного от целого ряда материальных элементов как таковых, данных здесь и сейчас.

на уровне объективной репрезентации, как мы уже объяснили в главе 3. Логические интерпретанты определяют точки инновации в интеллектуальном семиозисе, т. е. в развитии понимания.

Экзаптация⁹ человеческой моделирующей системы (скажем, языка в основном смысле слова) посредством речи в систему коммуникации является, следовательно, лишь одним аспектом текстуальности: в частности, тот аспект, в котором коммуникативное намерение находит свое воплощение, отличен от других целей, включается, когда действие направлено вне языка, на создание постлингвистических структур общественной организации, жилища, ремесла, одежды и т. д. Эти иные системы также зависят от условного знака (*stipulable sign*), актуализированного определенным образом (конвенциональный знак (*conventional sign*)) в полном смысле альтернативного возможного воплощения отношения сигнификации, которое понимается, по сути, как отношение, отличное от любой данной субъективной основы. Но в этих иных системах необходимо принимать во внимание их материальное воплощение в качестве объектов, созданных для выполнения не только коммуникативной функции (в случае с домом, например, это противостояние атмосферным условиям; в случае с механизмом – надежная работа, и т. д.). В отличие от этого язык, преобразовавшийся для коммуникации, благодаря воплощению в виде системы воспринимаемых элементов не нуждается в учете телесной формы более, чем это минимально необходимо для этой одной функции в ее чистом виде. Для выполнения этой функции необходима лишь передача кода, согласно которому отношения, конституируемые идеями, передаются из *Innenwelt* в *Umwelt*, детерминируя опыт других, способных понять код точно в его конвенциональной сущности (его ситуации существования, дополнительной по отношению к видимому строению его непосредственной основы, его «произвольность» («*arbitrariness*») в происхождении, таким образом, от традиций стипуляций). Так, животные иначе, чем люди, воспринимают различие между общей и частной формой, но только человеческое животное имеет шанс понять это различие не в его материальном проявлении (так как животные также имеют опыт социальных отношений силы), но в его формальной составляющей (которая, в первую очередь, является культурной и лишь затем социальной).

В этом смысле мы можем согласиться с Бартом в том, что «каждая семиологическая система имеет свою лингвистическую примесь» [Barthes, 1964, p. 10] (ср.: [Culler, 1982, p. 21]). В то же время наша точка зрения более фундаментальна: *каждая лингвистическая система имеет свой семиологический излишек*. Язык не только не является автономной системой, и тем более не «семиотикой, на которую могут быть переведены все дру-

⁹ Этот термин в 1982 г. введен Гулдом и Вэрба для обозначения вторичной адаптации, при которой какие-либо орган или функция, изначально появившиеся в ходе эволюции для одной цели, затем постоянно используются для другой: так, человеческий язык, изначально сформировавшийся как уникальная моделирующая система, впоследствии переключился посредством реальных отношений на коммуникативные цели, точно соответствующие тому, что в нем является уникальным.

гие семиотики» [Hjelmslev, 1961, p. 109]. Структурная особенность языка не безгранична в этом смысле. Но язык неограничен в том смысле, что способен перемещать все другие семиотики (и семиозисы) на траекторию коммуникативного намерения, освобожденного от видоспецифического биологического наследия. «Лингвистическая примесь», будучи далекой от того, чтобы составлять фундамент всех иных семиотик, относится скорее к их излишку и совершенству в сообществе, иными словами, они перемещены и сделаны совместно используемыми благодаря иллюзорному средству и сети отношений (особенно, кодов), посредством которых объективный мир приобретает текстуру интеллекта.

В подобном сообществе контексты природы как таковой и контексты биосемиозиса в частности усовершенствованы и преобразованы в соответствии с объективными возможностями, не прототипизированными в биологической наследственности вида (или посредством нее). Эти возможности открыты, скорее, посредством ламарковского механизма воздействия внешних условий, способных распространяться через нефизический носитель коррелирующих кодов, воплощенных в физических элементах, переработанных осмысленно. Включенными в такие передаваемые условия являются физические элементы лингвистической коммуникации. Они достигают семиотического превосходства посредством такого свойства, как независимость от каких-либо специфических целей, чтобы в контексте коммуникации служить любой цели. Язык как коммуникативная система – как общественно доступное кодирование *Umwelt* – является, таким образом, объективным отражением свободы интеллекта как развивающегося во времени¹⁰.

В то же время кодирование *Umwelt* не является ограниченным или редуцируемым до лингвистического кодирования в этом смысле. Согласно нашему антропо семиотическому определению идея кодирования *Umwelt* –

¹⁰ «Нашествие кодов, – считает Эко, – означает, что мы не боги: нами движут правила. Но нам приходится принимать решение (и здесь теории познания кода расходятся во взглядах), не являемся ли мы богами, потому что действуем сознательно, опираясь на правила, которые мы сами себе создаем в ходе истории, или же мы не боги, потому что божественность – это именно Правило (Код Кодов), который стоит за нами» [Есо, 1977, p. 27].

Эко допускает выбор между историческим и механистическим; но это, кажется, усложняет ситуацию. Вопрос заключается в том, не являются ли коды ограниченной промежуточной основой *между* природой и культурой, в которой «Код Кодов» не неизменен и не полностью свободно выбран внутри культуры. Тогда выбор осуществляется не между фреймом референции – исторической или механистической, а между пониманием культуры как семиотического феномена, вырезанного из природы посредством лингвистического кодирования, или видением, что культура создана в ходе преобразований на своем собственном уровне, иными словами, посредством семиотических модальностей, характерных для антропо-семиозиса, – «природный» *Umwelt*.

это серия меток, созданных интеллектом в объективном мире, *в любом отношении, целенаправленно или как побочный атрибут интеллектуальной деятельности.*

Конвенционализация объективных отношений делает контекст *Umwelten* и физических отношений единой тканью человеческого опыта. Эта «конвенционализация», это «растягивание» объективного мира как естественно детерминированного (биологической наследственностью, с одной стороны, и физической средой – с другой), причем реальность как таковая становится в определенной мере, по выражению Пауэла, «свободно выбранной» [Powell, 1983], формируют сеть *кодов* в самом широком смысле, включая лингвистический код как подгруппу. Эта конвенционализация объективных отношений не является чем-то реальным или реализуемым только одним способом. Это нечто многократно реальное (многообразие естественных языков) и лишь виртуально универсальное¹¹. Такой виртуальной универсальности всегда предначертано с течением времени терпеть

¹¹ Эта ситуация хорошо описана Бахтиным: «Слово – не материальная вещь, а вечно подвижная, вечно изменчивая среда диалогического общения. Оно не тяготеет к одному сознанию или одному голосу. Жизнь слова заключается в его переходе из уст в уста, из одного контекста в другой контекст, от одного социального коллектива к другому, от одного поколения к другому поколению. В этом процессе слово не забывает свой собственный путь и не может полностью освободиться от влияния тех конкретных контекстов, в которые оно входило.

Когда член говорящего коллектива сталкивается со словом, оно не является нейтральным словом языка, словом, свободным от чужих притязаний и оценок, не населенным чужими голосами. Нет, он получает слово с чужого голоса и наполненное чужим голосом. Слово приходит в его контекст из другого контекста, пронизанное чужими интерпретациями. Его собственная мысль находит слово уже населенным. Вследствие этого ориентация слова среди слов, различное восприятие чужого слова и различные средства реагирования на него являются, возможно, наиболее фундаментальными проблемами металингвистических исследований любого вида дискурса, включая художественный» [Bakhtin, 1963, p. 202].

Барт сходным образом говорит о коде, как о «многочисленных фрагментах чего-либо, уже прочитанных, увиденных, сделанных, пережитых; код – это след этого уже» [Barthes, 1970].

Но код – это нечто большее, чем отпечаток прошлого: в то же самое время он является также сигналом из будущего, будучи подхваченным, видоизмененным и получившим новую жизнь благодаря индивидуальной адаптации прежнего понимания или приобретению нового понимания в рамках *Lebenswelt*. Код – не тюрьма [Jameson, 1972], а информационный центр, в котором наиболее выдающимся предметом является не прошлое, а яркий «факт, что слова обладают способностью к обучению» [Johansen, 1985, p. 240], и ориентация на будущее. Бахтин дал прекрасный ответ на вопрос Пирса, «не всегда ли значение относится к будущему» [Peirce, 1902, p. 24]: «Ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира и о мире еще не сказано, мир открыт и свободен, всё еще впереди и всегда будет впереди» [Bakhtin, 1963, p. 166].

поражение от отдельных актуализаций, вызванных к жизни специфическими обстоятельствами на нашей планете и, очень вероятно, на любых планетах, – такими, как порождение посредством семиозиса биосферы и разумной жизни, той, что мы называем здесь антропосемиотической. Тем не менее между отдельными реализациями всегда остается виртуальность, причем одна система кодирования *могла бы быть*, при достаточном мастерстве, *переведена в* другую, таким образом, виртуально универсальное своим собственным образом также одерживает верх над действительным частным, хотя лишь потенциально и на дальнем плане.

В таком контексте мы считаем уместным вывод Эко: «Рассматривать культурную жизнь как сеть кодов и как постоянную отсылку от одного кода к другому – значит, возвращать человеческому животному его истинную природу» до тех пор, пока мы не поймем, что «природа», которую мы возвращаем человеческому животному, является его природой семиотической *in actu signato*. Человеческое животное – изобретатель Правила – нуждается также в понимании того, что этому изобретателю следует быть крайне осмотрительным с окружающими виртуальностями, которые каждый раз определяют, насколько «правило» действительно является разумным на фоне и в контексте, от которых человечество вынуждено зависеть (таких, как тропические леса или озоновый слой, или биосемиозис в целом), чтобы следовать своему, казалось бы (но в действительности это не так), «неограниченному семиозису». В противном случае, мы рискуем создать семиотику по модели гоббсовского короля, не несущего ответственности ни перед кем ниже него и потому невосприимчивого к соображениям справедливости или несправедливости (см. [Eco, 1977, p. 52]).

Сами по себе коды культуры уже заключают в себе посредством содержания, которое они обычно передают (в выражениях семиотики, их «излишек»), то, что больше, чем культура, и то, что связывает ее с остальной действительностью окружающей среды – физической. Это целое, большее, чем язык и внутри которого язык функционирует как относительная зависимость, подвешенная между тем, что он предпосылает, и тем, что предпосылает его, – первичная реальность человеческого опыта в целом. Мы двигаемся от идеи реальности как системы существования, независимой от наблюдателя, к семиотической идее «реальности», включающей в себя также и наблюдателя и потому зависимой от него, наряду со всем тем, что в опыте проявляется как часть чего-либо – прежняя идея «реальности», – независимого от наблюдателя («физическое бытие» с его дообъективным (*praeter-objective*) характером как набросок опыта). Мы двигаемся от классической современной идеи реальности, которая также была и античной, и средневековой [Deely, 1984, p. 265–266], к постмодернистской идее реальности, понимаемой как текст именно человеческого опыта. Мы двигаемся от коммуникации на службе у биологических целей к системе коммуникации, открывающей возможные миры помимо видо-

специфически объективного или воображаемого, в духе редукционизма чисто материального (миф позитивизма). Таково движение внутри объективной действительности от знака к текстуальности, иначе говоря, к объективной действительности, включающей в свою сеть объективных отношений измерение или аспект, «аффорданс», по выражению Гибсона ([Gibson, 1979]; хотя и в другом смысле см.: [Cunningham, 1988]), при котором объективизация может быть подвергнута критическому контролю и преобразована посредством соглашения (*stipulation*). Это подводит нас к вопросу критицизма. Это метод, подходящий *les sciences humaines*, но также и деятельность, не менее важная для оценки представляемого естественными науками, в целом деятельность, характерная для антропосемиозиса в его лингвистическом и культурном развитии, вне животных сообществ и видов коммуникации, свойственных зоосемиозису.

5. Критицизм как исследование текстуальности

Мы увидели, что коды, разграничивающие культуру в свойственном ей существовании, включают в себя, одновременно контрастируя с ней, материальную сторону объектов и объективных «вещей», вместе составляющих *Umwelten* (опыт и структуры опыта) различных видов, взаимодействующих внутри объективного человеческого мира или (возможно, за пределами нашего понимания, но жизненно и биологически контрастируя с «культурным») внутри популяции организмов, которая включает в себя человеческий род как биологическую сущность. Мы также увидели, что такие коды актуализируются не полностью (лишь внутри сознания), оставаясь действующей виртуальностью – совокупностью, противоречащей себе (в остаточных оппозициях перспективы, закодированной в объективном мире посредством дискурса прошлого и социального взаимодействия). Тем не менее, например: «Степень сложности семантического анализа термина может быть различной от говорящего к говорящему: эти различия производят *субкоды*, на базе которых один говорящий может приписать терминам значения, которые другие говорящие не приписали бы им; различное владение такими субкодами показывает классовые различия в социальном взаимодействии» [Eco, 1977, p. 31] (ср.: [Carleton, 1649, sec. 6]).

Следовательно, критицизм не является только «литературным». Это деятельность сознания, простирающаяся за бесконечный горизонт текстуализованной объективной реальности, включающая типы объективизации, характерные для естественных наук. У критицизма есть столько достоверных ролей, сколько существует способов внесения в объективную сферу, с большей эксплицитностью и формализацией, ролей, выполняемых или доступных для выполнения теми следами, что отпечатались в опыте благодаря действиям интеллекта многих прошлых поколений. Та-

кие следы наиболее отчетливы в лингвистическом знаке («идеологический феномен *par excellence*, как отметил Волошинов [Volosinov, 1929, p. 13]), но также в целом в том излишке семиозиса, который мы решили называть «текстуальностью» или «культурой» в смысле постлингвистических структур [Deely, 1982, p. 198, n. 1] (см. [Morris, 1946]).

В данной перспективе семиологические системы Ролана Барта и Жака Дерриды находят вопреки самим себе теоретическую основу внутри того, что Себеок называет «главной традицией» семиотического развития [Sebeok, 1977, p. 181]. То же касается систем по Эко [Eco, 1973, p. 153; 1976], которые их сторонники не называют семиологическими, но которые, тем не менее, разделяют идеологию уравнивания семиозиса с начертанием и функционированием кодов именно как конвенциональных (в основном смысле, придерживаясь того нередуцируемого элемента произвольности, который неотделим от стипулятивного характера знаков или даже идентичен ему) внутри культуры, обеспечивая (как следствие) включение индексальности и иконичности как таковых.

Этот ярлык, как мы видели в главе 1, является отсылкой к стратегии, поддерживающей видение семиотики не как *теории* в традиционном критическом или в традиционном научном смысле, а как *доктрины* знаков по Локку [Locke, 1690, p. 361–362]¹²; этот термин нуждается в тщательном пояснении. Как впервые было отмечено Себеоком [Sebeok, 1976, p. ix], в контексте «Опыта о человеческом разумении» Локка «доктрина» имеет уникальный смысл в духе господствовавших в эпоху Возрождения взглядов на понимание философских знаний в их двойном отличии от эмпирически проверяемых формулировок, с одной стороны, и от теологических формулировок, зависимых от церковной власти, – с другой [Deely, 1982, p. 127–130; 1986b]. Доктрина знаков, рассматриваемая в рамках этой философской доктрины в общем, выходит за пределы оппозиции культуры и природы и, таким образом, делает невозможной автономную лингвистическую или литературную семиотику, претензии на которую, как мы видели, Себеок справедливо собирательно окрестил «младшей традицией» [Sebeok, 1977], принимая во внимание семиотику в целом.

Подобная *doctrina signorum* появилась, в частности, в труде Пуансо [Poinsot, 1632a, 38/16-20, 117/28-118/6], хотя полнота ее объекта не была четко установлена до Пирса, введшего термин *семиозис* [Peirce, c.1906: 5.488] для обозначения деятельности, посредством которой относительное существование знаков, так искусно обособленное и четко очерченное Пуансо, поддерживается и обеспечивается посредством действий. Итак, доктрина знаков имеет своим комплексным объектом, как мы уже видели в главе 3, действие знаков, эксплицитно распознаваемое как какая-либо активность или процесс, проявляющиеся не только в человеческой

¹² См. также комментарии: [Deely 1986a, 1986c, 2001, ch. 14].

деятельности, но и в любом организменном опыте и, как нам следует заметить, в физической среде как таковой. Краткое содержание следующей главы заключается в том, что среда в своем материальном существовании изначально является эволюционной и потому, по существу, семиотической благодаря своему стремлению к созиданию, а впоследствии поддержанию и приспособлению к соответствующей трансформации в многочисленных *Umwelten* (включая видоспецифический человеческий) и как раз этим отличается, будучи объективными мирами, от материальной сферы, предполагаемой ими. Объективные миры не только основываются на этом предшествовавшем состоянии, они частично включают его, так как оно является самостоятельным, даже при его реструктуризации непосредственно как в объективном, так и в субъективном порядке посредством физического взаимодействия субъектов.

Неудивительно, что решающим шагом в этой стратегии возникновения доктрины знаков на основе полных и специфических возможностей ее осмысления сегодня оказывается наше понимание *языка*. Выше мы видели, в соответствии с нашим взглядом на язык как на (предшествующий экзаптации) видоспецифический человеческий *Innenwelt*, что сущность языка, вероятно, является сопоставимой с открытием отношения сигнификации и последующей реконструкцией познанных в опыте знаков как обусловливаемых (*stipulatable*). Второй из названных пунктов относится к последующему использованию любого знака в свете постигнутой разницы между, с одной стороны, объектом, означаемым как таковым, и, с другой стороны, знаком-носителем как таковым (или означающим) в их общем отличии от *взаимозависимости между* этими двумя, подверженными абстрагированию и кодификации в целях коммуникации. Одновременно мы видели, что открывается область неограниченных возможностей – область неограниченного семиозиса. По емкому выражению Меррелла [Merrell, 1988, p. 257], «если собака и идея собаки были бы отдельными друг от друга, то между ними бы существовало отношение, и вследствие этого идея этого отношения и т. д., *ad infinitum*».

Рассматривая текстуальность как объективную реальность, свойственную человеческим существам, мы видим, что в основании с необходимостью лежит понятие языка, более обширное и фундаментальное, чем сеть различий, передаваемых посредством использования произвольного множества, которое мы называем (по отношению к сети условностей и противопоставлений, формально их составляющих) «лингвистическими знаками». Маритен отмечает это более обширное понятие, этот излишек, создающий примесь, причем происходит текстуализация целостности культуры: «Термин *язык* относится не только к словам, которые мы используем, он покрывает также всё то, что служит нам, чтобы объясняться, и вследствие этого всю совокупность мысленных образов, которую мы используем и которая принадлежит людям, с которыми мы разговариваем,

как таковым, в определенный момент времени в определенном месте на Земле. (Допустим, существует некий телефон, соединяющий сквозь время, посредством которого мы могли бы говорить с современником Юлия Цезаря о чем-либо, касающемся нашей эпохи, удалось бы нам поговорить с ним о самолетах и электронных машинах, о британском парламенте или президиуме коммунистической партии? Наш собеседник ничего не понял бы; ему пришлось бы использовать совокупность мыслительных образов, сформированную его собственным типом культуры, так же как свои собственные слова и свой собственный синтаксис.)» [Maritain, 1964, p. 91].

Таким образом, если придавать текстуальности одинаковую протяженность во времени или пространстве с объективным миром человеческого опыта (скажем, *Lebenswelt* по сравнению с *Umwelt* в чистом виде), вопрос приобретает вид: как следует толковать «лингвистическую примесь», проявляющуюся в любой семиотической системе, т. е. во всей совокупности человеческого опыта, включая так называемое познание «природы»? Этот вопрос подводит нас к сердцу проблемы, чем в итоге является семиотика и какой вклад она может сделать сегодня в изучение той или иной сферы или подраздела в принятом разделении университетских предметов на «естественные науки», с одной стороны, и «гуманитарные», включая литературу, – с другой.

6. Матрица для всех наук

Главным пунктом в этом смысле является то, что семиотика имеет отношение к обновлению основ нашего понимания знания и опыта во всех случаях без исключения и потому – к трансформации надстроек, относящихся к каким-либо дисциплинам и в культурном отношении способствующих этому пониманию (традиционные дисциплины в современном осмыслении). Семиотика также относится к обновлению любой отдельно взятой формирующейся в настоящее время дисциплины, скажем, внутри гуманитарных наук, но лишь путем достижения надлежащего понимания семиозиса в частности. Таким образом, суть дела состоит не в том, чтобы оставить неразумные или, как едко выразился Каллер, «бесполезные попытки отделить гуманитарные науки от социальных наук» [Culler, 1981, p. 20]. Скорее, это вопрос новых принципов «наук» в исконном смысле – как всего множества, составляемого разнообразными дисциплинами человеческого знания, – будь объект этого множества «гуманитарным», «естественным» или «социальным» (согласно современному описанию). Семиотика – это перспектива, касающаяся матрицы всех дисциплин как раз потому, что они все являются продуктами в рамках опыта антропосемиозиса.

Это требование лежит в основе семиотики – так называемый «империализм». Тем не менее вопрос не в империализме, а в распознавании роли опыта как основы понимания во всех отношениях и центрального положения истории в создании из этой основы плодородной почвы. Скорее, задача состоит в *избавлении* от империализма естественных наук, в особенности, физики, – отличительного наследия позитивизма, а также в понимании того, как подвиды семиозиса внутри антропосемиозиса относятся к нему как целому.

Флойд Меррелл ясно выразил это в примечании к одному из своих текстов: «...в общем и целом, герменевтическое движение оказалось полезным, поскольку оно обратило свое внимание на роль интерпретации и понимания в гуманитарных науках. Тем не менее, Стивен Тулмин справедливо отмечает [Toulmin, 1982, p. 99–100], что это движение “оказывает нам дурную услугу”, потому что не признает какой-либо сопоставимой роли интерпретации в естественных науках и тем самым резко разграничивает две сферы – познания и опыта. Как следствие... центральные истины и достоинства герменевтики загромождаются целым рядом неверных умозаключений и вводящих в заблуждение противопоставлений» [Merrell 1988, p. 262, n. 12].

Действительно, «радикальная герменевтика», подобная той, к которой призывает Капуто [Caputo, 1987], в первую очередь должна прийти к семиотической точке зрения, потому что эта точка зрения, эта позиция, впервые получившая свое систематическое выражение благодаря одному из авторов [Poinsot, 1632, p. 38/1ff.]¹³, осознающему и подчеркивающему тот момент, что интерпретативное действие, или «герменевтика» (предпочитаемым термином для выражения этого понятия, как я уже отмечал [Deely, 1982, p. 188, n. 16], было «*perihermenias*»), совпадает по протяженности во времени и пространстве с интеллектуальной деятельностью и, мы бы добавили сегодня, более протяженна, чем природа – деятельность порождающая.

Это является важнейшей догадкой семиотической деятельности, полностью постижимой в ее фазах и периодах. Семиотика обеспечивает видение целостности опыта, того, что характерно для него как опыта. Достигая этого, она становится «первой» среди наук, но не как одна среди других, подобно тому, как предусматривала традиционная метафизика, а как *doctrina*, противопоставленная *scientia* [Williams, 1985; Anderson et al., 1984; Sebeok, 1976, p. ix], и как то, что первым в понимании контрастирует с производным от него [Deely, 1987; 1988; 1988a].

Таким образом, это вопрос понимания того, что свойственно семиотической точке зрения, и различения фундаментального и того, что является его следствием. С самого начала и извне (см., например, [Ricoeur, 1981]

¹³ См. также комментарии: [Deely, 1985; 1988].

и сл.), и изнутри¹⁴ семиотическое движение страдало от практиков, ошибочно принимавших часть семиозиса за всю семиотику и систематически пытавшихся сузить перспективу семиотики до какой-либо ее части, с которой они соотносили семиотику.

Изнутри проблема более серьезна, поскольку европейское направление, сформировавшееся под влиянием Соссюра и лишь сейчас начинающее усваиваться и совершенствоваться более широким американским течением, ведущим свои истоки от Пирса, создало в массовом сознании *de facto* отождествление семиотики со структуралистскими и литературными проблемами. На сегодняшний день в многочисленной литературе проявляется социологический подход к определению современного развития семиотики, наивное предположение очевидным образом остается в силе, отождествляя семиотическую точку зрения с литературной поглощенностью и сохраняя тенденцию к эксплицитной крайности в приравнивании семиотики к «продукту кодирования знаков» [Morgan, 1985, p. 8]. Так, известный автор Роберт Сколс способен утверждать, что «обычно дефинируемая как учение о знаках (от греческого корня со значением “знак”) семиотика на самом деле стала учением о кодах» [Scholes, 1982, p. ix].

Ко всем подобным взглядам (спектр работ, более или менее подверженных внутри семиотики тенденции к этой эксплицитной крайности) применимо резкое возражение Себеока [Sebeok, 1984b, p. 2] Хоксу [Hawkes, 1977, p. 124]: «Ничто не могло бы быть более сомнительным образом неверно истолковано по сути дела, однако обманчивость этого и ассоциируемые исторические деформации вызваны нашим собственным бездействием, проявлявшимся до сих пор в пренебрежении серьезным исследованием нашего истинного происхождения».

¹⁴ Наиболее удивительный пример неправильного понимания семиотики изнутри обнаруживается в поздних комментариях Бахтина, который, видимо, не отказался от своего раннего видения семиотики как части русского формализма: «Семиотика занимается, в первую очередь, передачей готовой информации, используя готовый код. Однако в живой речи, строго говоря, коммуникация возникает лишь в процессе передачи, и здесь, в сущности, нет кода» [Bakhtin, 1970–1971, p. 147]. Но см. также [Culler, 1977].

Этот вывод, особенно для последователей Бахтина, является непостижимым. Согласно нашей интерпретации, «здесь, в сущности, нет кода» значит «до антропосемиозиса и независимо от него не существует реального кода». На эту мысль меня навел тот факт, что фрагмент, содержащий цитату в вопросе, резко обрывается посреди провокационного предложения, ставя «проблему изменения кода во внутренней речи...». Это, тем не менее, только догадка.

Ясным мне кажется лишь то, что при создании своего труда (вне всякого сомнения, по сути семиотического в нашей терминологии) против семиотики Бахтин сам иллюстрирует преобладание и значимость неверного понимания, стоящего за ошибочной *pars pro toto*, когда лингвистическая или литературная семиотика видит себя автономной.

То, что в основе своей ошибочно по отношению к семиологической тенденции, – рассматривать интертекстуальность как независимое целое, сконцентрированное на литературном знаке и заключенное в себе посредством неограниченного (но аутичного) семиозиса, – является изолированием культуры от природы при помощи неуместного введения исходных предпосылок идеалистической философии в перспективу, открытую знаком. Перспектива, открываемая знаком, настолько далека от идеализма, насколько он сам далек от реализма в необходимых условиях, свойственных его собственному развитию. Учение о действии знаков не может быть должным образом втиснуто в рамки того, что создано человеком или измеряется парадигмой лингвистических замен. Если такое учение искусственно будет подобным образом ограничено и измерено, оно окажется отрезанным от контекста, необходимого, в конечном счете, даже для постижения литературных произведений, как Йохансен продемонстрировал в своих «Пролегоменах к семиотической теории интерпретации текста» [Johansen, 1985].

Если в стремлении быть семиотической перспектива принимает в качестве своего объекта исключительно литературную текстуальность, созданную в окончательном виде, т. е. объективированную и рассматриваемую как нечто известное, – как будто для семиотики существует «данное», сопоставимое с камнями для геолога или костями рептилий в палеонтологии, – подобная перспектива должна достигнуть положения, свойственного знаку. Перспектива, характерная для семиотики, возникает, скорее, в точности как в необычном умозаключении Локка [Locke, 1690, р. 361–362], вместе с идеей идеи как некой связью отношений, которая несет вне себя сознающего субъекта и в то же время на основе когнитивной карты окружения создает некий *Umwelt*, никак не редуцируемый до предшествующего физическому и видоспецифическому для любой формы жизни, включая и человеческую. Этот человеческий *Umwelt* или *Lebenswelt*, как мы могли видеть, в отличие от *Umwelten* чисто зоосемиотических форм жизни имеет уникальную текстуру, посредством которой он может трансформироваться в асимптотическое количество различных моделей благодаря уникальным возможностям языка.

В конечном счете идея действительности как видоспецифического объективного мира является тем, что обеспечивает постижимость и простор для деятельности всего критицизма, служит ли он раскрытию одной стороны различия между тем, что дано окружающей средой, и тем, что специально сконструировано, как в литературном критицизме, или же он служит рассмотрению специально сконструированного, чтобы сконцентрироваться на том, что дано окружающей средой, как в более научном критицизме. Отношение *Innenwelt* к *Umwelt* таково, что мы в итоге понимаем: то, что называется, например, «фикцией», не является не только имитацией чего-то еще, но даже выражением семиозиса, который легко превращает это

«что-то иное» в имитацию того, что изначально было фикцией¹⁵. Таким образом, как указывает Каллер, «одной из целей семиотики является выяснение разницы между литературным и нелитературным дискурсом» [Culler, 1981, p. 38].

Это проблема реконструкции мира – объективного мира, но объективный мир включает в свое характерное для него существование что-то и из физического окружения. Проблема не сводится к тому, что «реализм по сути является в высшей степени вымышленным» [Con Davis, 1985, p. 56], потому что реальность – реальность человеческого опыта, в которой черта между тем, что зависит и что не зависит от интерпретирующей деятельности, никогда не может быть окончательно проведена, так как эта черта сама по себе перемещается с каждым новым достижением понимания – является по сути полностью семиотической.

Литература, будучи наиболее нагруженной пресуппозициями и исключительно объективной фазой антропосемиозиса (способной непосредственно обращаться с объектом как чем-то несуществующим, вместо того чтобы с досадой обнаруживать его нереальность, как это иногда происходит в естественных науках или истории), нуждается в максимально полном проявлении сигнификации. В то время как литературный «текст сам по себе не нуждается в отсылке к какому-либо прошлому опыту», «опыт переживания объектов, действий или событий, сходных с теми, к которым отсылает данный текст, является необходимой предпосылкой для его понимания» [Johansen, 1985, p. 261–262] (ср.: [King, 1987]).

7. Модель дискурса как семиозиса

То, что вселенная дискурса – любого дискурса, включая литературный, – «связана с опытом участников» дискурса и каким образом, показал литературовед Дайнс Йохансен в труде, непосредственно касающемся проблемы помещения литературы и литературного критицизма в более общую сферу семиозиса, как это рассматривается в основной традиции современного семиотического развития. Мы можем воспользоваться моделью Йохансена для антропосемиозиса [Johansen, 1982, p. 473; 1985; 266], так как она включает в себя специфически литературное. Эта модель приводится здесь в авторской модификации, главным образом за счет повышения распознаваемости десяти осей, которые определяют плоскости, составляющие «семиотическую пирамиду», посредством их эксплицитного наименования. Причины, по которым Йохансен вводит данную модель, совпадают с нашими собственными [Johansen, 1985, p. 265]: с одной стороны, она служит эвристическим средством, которое должно обеспечить

¹⁵ См. Toews – анализ современных историков с опорой на Вильяма Баскервильского: [Williams, Pencak, 1991, p. 351–384].

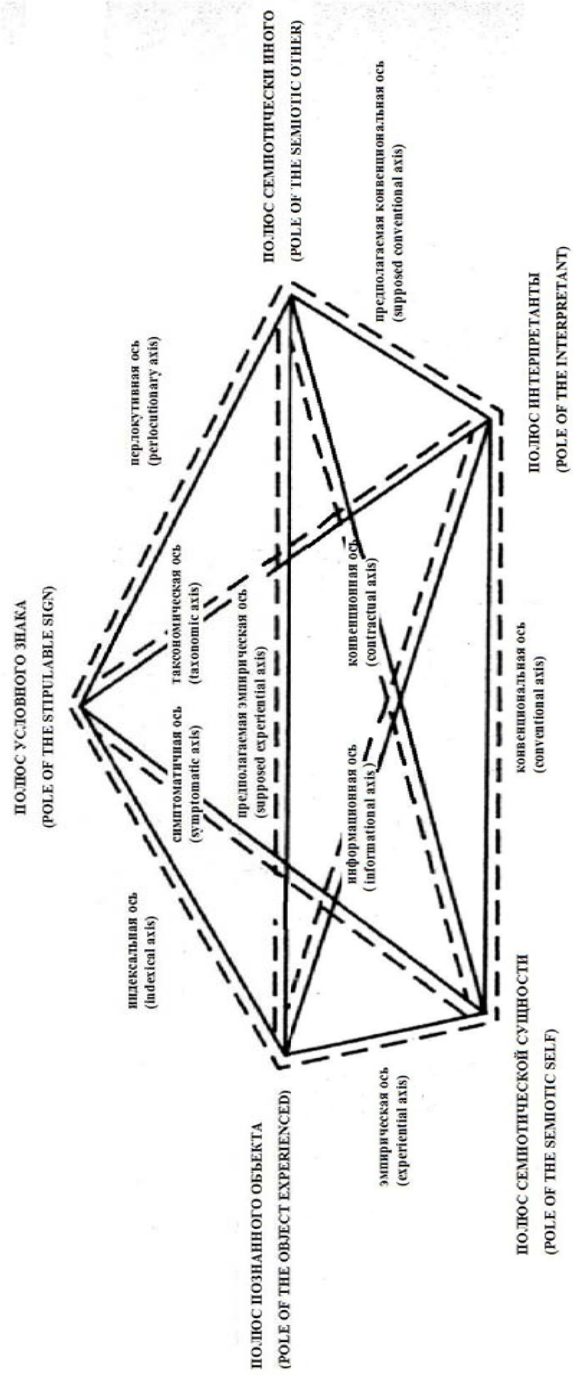
распознавание многообразных отношений каждого элемента; с другой стороны, она должна способствовать проникновению в природу процесса сигнификации, привлекая внимание к взаимосвязям между определенными аспектами производства и интерпретации значения, и, конечно, провоцируя возражения (см. рисунок).

Чтобы эксплицировать критические возможности данной модели при объяснении текстов любого объективного типа, мы могли бы плодотворно переструктурировать пирамиду в соответствии с десятью независимыми трехсторонними плоскостями, образующими модель, – шесть расходящихся лучей из полюса знака, четыре – из организменных полюсов интерпретатора и говорящего, – с той целью, чтобы подчеркнуть, насколько литературная семиотика в схеме опыта полна допущений и в большой степени лишена автономности («миф об интертекстуальности и интересемиотичности», как мы могли бы назвать это). В сущности, пирамида Йохансена может послужить в качестве интерпретанты для замечания Бахтина о том, что язык романа – «система пересекающихся плоскостей», связывающих, кроме прочего, его с общим опытом, которому подчиняются и научные тексты [Bakhtin, 1975, p. 48].

Если серьезно подойти к доводу Йохансена о том, что семиотика текстов, рассматриваемая в целом, а не в соответствии с преходящими абстракциями, включает в себя рассматривающего одновременно со всеми этими плоскостями (но в соответствии с акцентом, который, конечно, может варьироваться в зависимости от целей конкретного анализа), рассматривающий также начинает понимать, как могла бы быть устроена литературная семиотика при условии полной свободы возможностей, предоставляемых ей доктриной о знаках.

Эти возможности становятся очевидными, когда фундаментальные исследования доктрины о знаках соизмеряются со всей сферой семиозиса как процесса, сопровождающего целостность природы настолько, насколько природа включает в себя развитие во времени вдоль контура, который выходит за рамки физически установленных паттернов любого данного момента в космической эволюции. Поскольку эта структура прослеживается в различных работах, все в большей степени способствующих ее укреплению, мы видим, что «место, заранее выделенное» для семиотики и дающее ей «право на существование», по любопытному выражению Соссюра [Saussure, i.1906–1911, p. 33] (ср.: [Russell, 1982]), является чем-то, что не может быть определено каким-либо образом, исключаящим акт интерпретации, а, скорее, может быть определено лишь при его наличии.

Изучать знак – раскрывать семиозис и тем самым сеть, обширную, как сама природа. Соглашение, сеть отсылок, поддерживающих окружающие и ощущаемые элементы в каждый момент согласно паттернам, которые сами по себе не являются ощущаемыми или сводимыми к тому, что является

Пирамида антропосеміозиса

ощущаемым, составляет семиотический объект в полноте возможностей для его понимания.

Эта «реальность» достаточно отлична от того изначально данного, в котором сознание не играло роли и в которое наблюдатель ничего не привносил, появившегося в средневековых представлениях и разыскиваемого в современности. Это не реальность, полностью сводимая к собственным действиям сознания на основе скрытой внешней области и скрытого внутреннего механизма понимания, соединенного лишь феноменами, созданными самим сознанием, как резюмирует Кант. Что-то более ценное, чем любая редукция, что-то более обусловленное договоренностью, чем даже гармония между Венериной мухоловкой и мухой в царстве насекомых и растений, эта новая парадигма – кратко выражаясь, семиотическая реальность – распознает, что граница между тем, что зависит, и тем, что не зависит от интерпретативной деятельности, никогда не сможет быть окончательно установлена, исходя из опыта, потому что граница сама по себе флукутирует в функции эволюции понимания – «умозрительного» или «практического», «научного» или «художественного».

Подобно человеческим наукам, «семиотика является не только сферой применения различных подходов к какому-либо уникальному объекту, но иногда также и сферой конфликтующих философских дефиниций этого уникального объекта» [Есо, 1979, р. 77]. Более того (и этим она создает матрицу также и естественных наук), семиотика – это сфера, изучающая процесс, при котором любой объект рассматривается в своем полном существовании как известный: не просто как процесс в природе, но также как осознание (*prise de conscience*), при котором природа полностью осознает себя и достигает своей конечной целостности в выходе за пределы физического бытия. Этот процесс выхода за пределы начинается с исторических *Umwelten* и является полностью реализованным в рефлексивности *Lebenswelt*, превращая каждый текст в будущий интертекст, включающий в себя жизнь и фикцию, как и целостность природы, посредством семиозиса, неограниченного метафизически, а физически если и ограниченного, то не полностью.

Эта ситуация была персонифицирована Флойдом Мерреллом [Merrell, 1988, р. 260] в создании, гораздо более достойном талантов художников Диснея, чем прозаичный кролик Роджер. Представьте себе кинематографически показанного фантастического спрута (*the Chimerical Octopus*), созданного по следующему плану.

Рассмотрим способность каждого знака быть точкой... с бесконечным набором линий, связывающих его со всеми иными точками во вселенной... Каждый знак-точка подобен фантастическому спруту, чье тело является точкой, а щупальца – бесконечным числом линий, исходящих из этой точки и готовых быть втянутыми в один или несколько других знаков-точек, которые затем становятся его интерпретантой и поэтому иным знаком-точкой. (На самом деле, в большем соответствии с Лапласом

и Богом, каждое щупальце должно иметь глаз на своем конце, чтобы «видеть» все иные знаки-точки одновременно.)

Ожидаемо, что этот единый конгломерат линий будет иметь определенные характеристики: (а) целое может быть «разрезано» в любой точке и связано любой из своих линий, подобно аморфной «книге утверждений» Пирса (см. [Peirce, 1903, 4.512]), (б) в данный момент конгломерат статичен (синхроническое измерение), но он сохраняет возможность всех будущих связей (диахроническое измерение) – этот момент не является сосюрровским ломтиком семиологической салями, это весь данный конгломерат «en bloc», сохраняющий прошлые, настоящие и будущие возможности; (в) конгломерат заключается сам в себе, скручиваясь и удваиваясь, вновь возвращается к себе, подобно пространству-времени Эйнштейна (называемому «блок» универсума) или бесконечности бесконечно тонких лент Мёбиуса, пересекающих друг друга в точке своего изгиба. Однако (г), что касается конечных пользователей знака в отличие от точки-спрута, все наблюдения и отношения должны оставаться внутри: отсутствует глобальное видение неотъемлемых правил, соизмеримых с квантовой теорией, опровергнувшей классический взгляд на субъекта / объект и наблюдателя / наблюдаемое. И (д) не может быть полного описания целого, так как в соответствии с пластичной «книгой утверждений» Пирса логические связи не сохраняются неизменными на протяжении всего времени и так как мы с нашим собственным ограниченным числом приспособлений и органов чувств никогда не сможем обрабатывать все знаки в один и тот же момент.

8. Выводы

Среди человеческих наук семиотика является уникальной, будучи учением, занимающимся матрицей всех наук и выявляющим центральное положение истории в смелом деле понимания ее в цельности.

Центральное положение истории для понимания открывается посредством кодов культуры, которые и обеспечивают, помимо индивидуального понимания, *commons* [Peirce, 1906, p. 196–197] или совместный образ мыслей, определяющий язык (такой, как английский), дисциплину (такую, как физика или литературный критицизм), субкультуру (например, гомосексуальную), нацию (например, еврейскую) и, в конечном счете, цивилизацию как таковую во всех ее противоречивых нитях исторически закрепленных интерпретаций, задающих структуру повседневного опыта существ одного вида, владеющих языком. Таким образом, мы можем сказать, ввиду / принимая во внимание более широкий смысл языка, очерченный Маритеном и независимо от него постулированный Бахтиным [Bakhtin, 1971, p. 214]: «Живая речь, сообщения впервые и окончательно

создаются, строго говоря, в процессе передачи» (т. е. до и независимо от антропосемиозиса как такового), «здесь нет кода»¹⁶, хотя подобно звуковым волнам в природе коды могут играть вспомогательную роль и даже являться результатом сообщения.

С этой точки зрения, критицизм может содействовать своему собственному праву вносить в эксплицитную действительность вклад понимания, оставшегося, скорее, в виртуальном состоянии учения, чем четко выраженного и осознанного. Это был бы критицизм в лучшем виде, критицизм, демонстрирующий богатство искусства оценивать и анализировать в сочетании со знанием и характерными особенностями произведений цивилизации, в особенности искусства, музыки, литературы, где царят свободная игра интеллекта и полный контраст объективного с биологическими и физическими системами. Такой критицизм, далекий от приравнивания к семиотике, мог бы участвовать в развитии семиотики, в развитии, включающем в свою сеть отсылок целостность мыслей прошлого, науки настоящего и цивилизации будущего.

Таким образом, критическое учение также будет содействовать созданию, а возможно, даже создаст в рамках семиотики формулу, более адекватную полному пониманию *anthropos*, чем все те, что были разработаны прежде.

Список литературы

Anderson M., Deely J., Krampen M., Ransdell J., Sebeok Th. A., Uexküll Th. von. A Semiotic Perspective on the Sciences: Steps Toward a New Paradigm. Toronto Semiotic Circle Working Paper, 1984.

Bakhtin M. Problemy poetiki Dostoevskogo. Moscow, 1963 // Theory and History of Literature Series. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1984. Vol. 8.

Bakhtin M. From Notes Made in 1970–1971, the section “Iz zapisej 1970–71 godov”, pp. 336–360 // Bakhtin M. Estetika slovesnogo tvorcestva. Moscow, 1979 / trans. by Vern W. McGee as Speech Genres and Other Late Essays, ed. Caryl Emerson and Michael Holquist. Austin, TX: University of Texas Press, 1986. P. 132–158.

Bakhtin M. Voprosy literatury i estetiki. Moscow, 1975 / trans. by Caryl Emerson and Michael Holquist as The Dialogic Imagination; Four Essays by M. M. Bakhtin, ed. Michael Holquist. Austin: University of Texas Press, 1981.

Bargatzky W. Das Universum Lebt: Die Aufsehenerregende Hypothese vom Organischen Aufbau des Weltalls. Munich: Wilhelm Heyne Verlag, 1978.

¹⁶ Цит. по: [Todorov, 1984, p. 56].

Barthes R. Éléments de Sémiologie. Paris: Seuil, 1964 / trans. by Annette Lavers and Colin Smith as Elements of Semiology. New York: Hill and Wang, 1967.

Barthes R. S/Z. Paris: Seuil, 1970 / trans. with title unchanged Richard Miller. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1974.

Cajetan Th. de V. Commentaria in summam theologicam. Prima pars (Rome, 1507), reprinted in Sancti Thomae Aquinatis Doctoris Angelici Opera Omnia, vols. 4 and 5. Rome: Leonine, 1888–1889.

Caputo J. Radical Hermeneutics. Repetition, Deconstruction, and the Hermeneutic Project. Bloomington: Indiana University Press, 1987.

Carleton Th. C. De Signo, Logica, Disp. 42 // Carleton Th. C. Philosophia Universalis. Antwerp, 1649.

Chomsky N. Language and Mind. New York: Harcourt, Brace, & World, 1968.

Con Davis R. The Case for a Post-Structuralist Mimesis: John Barth and Imitation // The American Journal of Semiotics 3.3, 1985. P. 49–72.

Culler J. Ferdinand de Saussure. New York: Penguin, 1977.

Culler J. The Pursuit of Signs. Semiotics, Literature, Deconstruction. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1981.

Culler J. On Deconstruction. Theory and Criticism after Structuralism. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1982.

Danow D. Text and Subtext // Semiotics 1987 / ed. John Deely. Lanham, MD: University Press of America, 1988.

Deely J. Introducing Semiotic: Its History and Doctrine. Bloomington: Indiana University Press, 1982.

Deely J. Editorial Afterword to Tractatus de Signis: The Semiotic of John Peirce. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 391–514.

Deely J. Semiotic as Framework and Direction, 1984 / Deely, Kruse, and Williams, eds., 1986. P. 264–271.

Deely J. John Locke's Place in the History of Semiotic Inquiry // Semiotics. 1986a / ed. Jonathan Evans and John Deely. Lanham, MD: University Press of America, 1987. P. 406–418.

Deely J. Doctrine, terminological entry for the Encyclopedic Dictionary of Semiotics / ed. Thomas A. Sebeok et al. Berlin: Mouton, 1986b. Tome I. P. 214.

Deely J. 1986c The Coalescence of Semiotic Consciousness // Deely, Williams, and Kruse, 1986: 5–34.

Deely J. 1986d. Idolum. Archeology and Ontology of the Iconic Sign // Iconicity: Essays on the Nature of Culture, Festschrift volume in honor of Thomas A. Sebeok, edited by Paul Bouissac, Michael Herzfeld, and Roland Posner. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 1986. P. 29–49.

Deely J. On the Problem of Interpreting the Term 'First' in the Expression 'First Philosophy' // Semiotics 1987 / ed. J. Deely. Lanham, MD: University Press of America, 1987. P. 3–14.

Deely J. The Semiotic of John Poinsett: Yesterday and Tomorrow, major discussion of reviews of and theoretical issues in the 1631–1632 work of Poinsett // *Semiotica* 69. 1/2 (April), 1988. P. 31–127.

Deely J. 1988a. The Subject Matter of Semiotic Inquiry // *Semiotics 1988* / ed. Terry Prewitt John Deely, and Karen Haworth. Lanham, MD: University Press of America, 1989. P. 133–142.

Deely J. How Does Semiosis Effect Renvoi?, el Thomas A. Sebeok Fellowship Inaugural Lecture, presentada en la 18ava. Reunión Anual de la Semiotic Society of America en St. Louis el Viernes, 22 Octubre 1993a, que sera publicada en *The American Journal of Semiotics*, perro ja publicado como el Capítulo 8 de Deely 1994a: P. 201–244.

Deely J. Four Ages of Understanding. The first postmodern survey of philosophy from ancient times to the turn of the twenty-first century. Toronto, Canada: University of Toronto Press, 2001.

Deely J. A sign is *what?*, a dialogue between a semiotician and a would-be realist // *Sign Systems Studies* 29.2, 2001a. P. 705–743.

Descartes R. 1637. Discourse on the Method of Rightly Conducting the Reason and Seeking for Truth in the Sciences / trans. Elizabeth S. Haldane and G. R. T. Gross // *The Philosophical Works of Descartes* (corrected reprint edition); New York: Dover, 1955, I. P. 79–130.

Descartes R. 1641. Meditations on First Philosophy / trans. Elizabeth S. Haldane and G. R. T. Gross // *The Philosophical Works of Descartes* (corrected reprint edition); New York: Dover, 1955, I. P. 131–199.

Eco U. O Signo / trans. into Portuguese by Maria de Fatima Marinho. 3a ed.; Lisbon: Editorial Presença of Segno. Milan: Istituto Editoriale Internazionale, 1973.

Eco U. A Theory of Semiotics. Bloomington: Indiana University Press, 1976.

Eco U. The Code: Metaphor or Interdisciplinary Category? // *Yale Italian Studies* 1.1 (Winter), 1977. P. 24–52.

Eco U. Proposals for a History of Semiotics // *Semiotics Unfolding* / ed. Tasso Borbé. Berlin: Mouton, 1979. P. 75–89.

Gibson J. The Ecological Approach to Visual Perception. Bloomington: Indiana University Press, 1979.

Gould S. J., Vrba E. S. Exaptation – A Missing Term in the Science of Form // *Paleobiology* 8.1 (Winter), 1982. P. 4–15.

Hall E. T. Beyond Culture. New York: Doubleday & Company, 1976.

Hawkes T. Structuralism and Semiotics. Berkeley: University of California Press, 1977.

Hjelmslev L. Prolegomena to a Theory of Language, being the second, revised translation by Francis J. Whitfield of Omkring sprogteoriens grundlæggelse (Copenhagen: Ejnar Munksgaard, 1943), incorporating “several minor corrections and changes that have suggested themselves in the course of discus-

sions between the author and the translator” (Hjelmslev and Whitfield 1961, page v of this volume).

Jacob F. The Possible and the Actual. Seattle, WA: University of Washington Press, 1982.

Jakobson R. Coup d’oeil sur le développement de la sémiotique // Panorama Sémiotique / A Semiotic Landscape / ed. Seymour Chatman, Umberto Eco, and Jean-Marie Klinkenberg / Proceedings of the International Association for Semiotic Studies. Milan, June 1974; The Hague: Mouton, P. 3–18.

Johansen J. D. Sign Concept, Meaning, and the Study of Literature // Semiotics 1982 / ed. John Deely and Jonathan Evans. Lanham, MD: University Press of America, 1987. P. 473–482.

Johansen J. D. Prolegomena to a Semiotic Theory of Text Interpretation // Semiotica 57.3/4, 1985. P. 225–288.

Jameson F. The Prison House of Language: A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism. Princeton: Princeton University Press, 1972.

King T. Text and Object: Distinguishing Them as Interpretations // Semiotics 1987. Lanham, MD: University Press of America, 1988. P. 99–106.

Locke J. An Essay Concerning Humane Understanding. London: Thomas Bassett, 1690 // Deely, Williams, and Kruse 1986. P. 2–4.

Lovelock J. E. Gaia as Seen through the Atmosphere // Atmosphere and Environment 6, 1972. P. 579–580.

Lovelock J. E. Gaia. A New Look at Life on Earth. Oxford, England: Oxford University Press, 1979.

Lovelock J. E. The Ages of Gaia: A Biography of Our Living Earth. New York: W. W. Norton, 1988.

Maritain J. Language and the Theory of Sign, 1957 // Deely et al. 1986: 51–62.

Maritain J. Notebooks, Chapter 3, 1964 / translated by Joseph W. Evans; New York: Albany, 1984. P. 81–99.

Merrell F. An Uncertain Semiotic // The Current in Criticism. Essays on the Present and Future of Literary Theory / ed. Clayton Koelb and Virgil Lokke. West Lafayette, IN: Purdue University Press, 1988. P. 243–264.

Morgan Th. Is There an Intertext in This Text: Literary and Interdisciplinary Approaches to Intertextuality // The American Journal of Semiotics 3.4, 1985. P. 1–40.

Morris Ch. Signs, Language and Behavior. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1946.; reprinted complete in Charles Morris, *Writings on the General Theory of Signs*, ed. Thomas A. Sebeok. Approaches to Semiotics 16; The Hague: Mouton, 1971. P. 73–397.

Peirce Ch. S. c.1902. Ms. 599, Reason’s Rules (Robin p. 74), partially included in CP 5.538–545.

Peirce Ch. S. c.1902a. Minute Logic, draft for a book complete consecutively only to Chapter 4. Published in CP in extracts scattered over six of the eight

volumes, including 1.203-283, 1.575-584; 2.1-202, 2.757n1; 4.227-323; 6.349-352; 7.279, 7.374n10, 7.362-387 except 381n19. (For fuller detail, see Burks 293–294).

Peirce Ch. S. 1903. Lowell Lectures, Some Topics of Logic Bearing on Questions Now Vexed, esp.: lect. IIIA, Lessons from the History of Philosophy, CP 1.15-26; draft 3 of lect. 3 entitled Degenerate Cases in CP 1.521-544; lect. 8, How To Theorize, CP 5.590-604 (Burks p. 295); and the section published in CP 4.510–529 under the title The Gamma Part of Existential Graphs.

Peirce Ch. S. 1906, March 9. 52-page draft letter to Lady Welby (under Robin L463, p. 200), ms. pp. 24–30 excerpted in Hardwick 1977: 195–201.

Poinsot J. *Artis Logicae Secunda Pars*. Alcalá, Spain, 1632. From R I: 249–839.

Poinsot J. 9 July 1589 – 1644 June 17. 1632a. *Tractatus de Signis*, subtitled The Semiotic of John Poinsot, extracted from the *Artis Logicae Prima et Secunda Pars* of 1631–1632 (above two entries) and arranged in bilingual format by John Deely in consultation with Ralph A. Powell. First Edition; Berkeley: University of California Press, 1985.

Ricoeur P. *Hermeneutics & the Human Sciences* / ed. and trans. John B. Thompson. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Russel A. F. 1982. *The Semiosis Linking Human World and Physical Reality* // *Semiotics* 1982. Lanham, MD: University Press of America, 1987. P. 591–600.

Saussure F. de. i.1906–1911. Lectures delivered at the University of Geneva and published from auditors' notes by Charles Bally and Albert Sechehaye with the collaboration of Albert Riedlinger under the title *Cours de Linguistique Generale* in 1916; critical edition prepared by Tullio de Mauro. Paris: Payot, 1972.

Scholes R. *Semiotics and Interpretation*. New Haven, CT: Yale University Press, 1982.

Sebeok Th. A. 1976. Foreword (pp. ix-xiii) to original publication of Sebeok 1985 following.

Sebeok Th. A. *Ecumenicalism in Semiotics* // *A Perfusion of Signs* / ed. Thomas A. Sebeok. Bloomington: Indiana University Press, 1977. P. 180-206.

Sebeok Th. A. 9 November 1920–2001 December 21. *Vital Signs*, Presidential Address delivered October 12 to the ninth Annual Meeting of the Semiotic Society of America, Bloomington, Indiana, October 11–14 1984a.

Sebeok Th. A. *Signs of Life* // *International Semiotic Spectrum* 2. June 1984b, 1–2.

Sebeok Th. A. *Semiotics in the United States*, introduction to *American Signatures*. Norman: University of Oklahoma Press, 1989.

Todorov T. *Mikhail Bakhtin: The Dialogical Principle*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1984 / English trans. by Wlad Godzich from the

French original, Mikhail Bakhtine: *Le Principe Dialogique Suivi de Écrits* da Cercle de Bakhtine. Paris: Éditions du Seuil, 1981.

Toulmin S. The Construal of Reality: Criticism in Modern and Postmodern Science // *The Politics of Interpretation*, ed. W. J. T. Mitchell. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1982.

Uexküll J. von. *Kompositionslehre der Natur. Biologie als undogmatische Naturwissenschaft*, selected writings edited and with an introduction by T. von Uexküll. Frankfurt a. M.: Ullstein, 1899–1940.

Volosinov V. N. *Marksizm i filosofija iazyka. Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o iazyke, 1929* / translated by Ladislav Matejka and I. R. Titunik as *Marxism and the Philosophy of Language*. New York: Seminar Press, 1973.

Williams B. What Has History To Do with Semiotic? // *Semiotica* 54.1/2; preprinted in revised monograph form with index and historically layered bibliography under the title *History and Semiotic*. Victoria College of the University of Toronto: Toronto Semiotic Circle Number 4, Summer 1985.

Williams B., Pencak W. (Guest Editors). Special Issue: History and Semiotics // *Semiotica*, 1991. 83-3/4.

Article metadata

Title: Zoösemiotics and Anthroposemiotics

Author: Deely, John

Author affiliation: Saint Vincent College in Latrobe, Pennsylvania

Abstract. The peculiarities of zoösemiosis and anthroposemiosis are addressed. The approach presupposes the elimination of the assumption that ideas are in the first place objects rather than signs: this assumption conflicts with and impacts upon the possibilities of semiotic understanding of conceptions and experience. The study explores the notions of sign and representation as well as those of object, thing, and thing experienced. This allows clarifying the distinction between the world of experience (the objective world) and the physical world. The further examination of zoösemiosis and anthroposemiosis in terms of Umwelt, Innenwelt, Lebenswelt makes explicit that the heart of the difference between the human Umwelt and the Umwelt of other cognitive organisms is the “idea“ in a specifically semiotic sense (understanding of ideas as signs). This difference makes for the possibility of a text as such. Creating a text is a function of musement which is explained due to the terms „code“ and „idea“. Code belongs to the object experienced and idea to the organism experiencing. Both alike serve to ground, channel, and define or specify the relationships of dependency that comprise the objective world in its integral being subsumptive of the physical. “Linguistic signs” are considered as a specific variety or subspecies of the stipulable sign. Language as a communication system is the species-specifically human Innenwelt. Language is unlimited in the sense of being

able to draw all other semiotics (and semiosis) into the trajectory of the communicative intention freed from a species-specific biological inheritance. The postmodern idea of reality as the text of specifically human experience brings us to the matter of criticism. This is a method proper to *les sciences humaines*, but an activity no less essential to the evaluation of presentations in the natural sciences and, in general, the activity distinctive of anthroposemiosis in its linguistic and cultural development beyond animal societies and the communications proper to zoösemiosis. Semiotics is a perspective concerned with the matrix of all the disciplines, precisely as they are offsprings within experience of anthroposemiosis. It is the field studying the process whereby any object is constituted in its full actuality as known: not simply as a process in nature, but also as the *prise de conscience* whereby nature becomes fully aware of itself and achieves its final totality in the transcendence over physical being.

Key terms: zoösemiotics, anthroposemiotics, semiosis, Umwelt, Innenwelt, Lebenswelt, species-specific, sign, code, idea, textuality, criticism.

Reference literature:

Anderson M., Deely J., Krampen M., Ransdell J., Sebeok Th. A., Uexküll Th. von. A Semiotic Perspective on the Sciences: Steps Toward a New Paradigm. Toronto Semiotic Circle Working Paper, 1984.

Bakhtin M. Problemy poetiki Dostoevskogo. Moscow, 1963 // Theory and History of Literature Series. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1984. Vol. 8.

Bakhtin M. From Notes Made in 1970–1971, the section “Iz zapisej 1970–71 godov”, pp. 336–360 // Bakhtin M. Estetika slovesnogo tvorcestva. Moscow, 1979 / trans. by Vern W. McGee as Speech Genres and Other Late Essays, ed. Caryl Emerson and Michael Holquist. Austin, TX: University of Texas Press, 1986. P. 132–158.

Bakhtin M. Voprosy literatury i estetiki. Moscow, 1975 / trans. by Caryl Emerson and Michael Holquist as The Dialogic Imagination; Four Essays by M. M. Bakhtin, ed. Michael Holquist. Austin: University of Texas Press, 1981.

Bargatzky W. Das Universum Lebt: Die Aufseherregende Hypothese vom Organischen Aufbau des Weltalls. Munich: Wilhelm Heyne Verlag, 1978.

Barthes R. Éléments de Sémiologie. Paris: Seuil, 1964 / trans. by Annette Lavers and Colin Smith as Elements of Semiology. New York: Hill and Wang, 1967.

Barthes R. S/Z. Paris: Seuil, 1970 / trans. with title unchanged Richard Miller. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1974.

Cajetan Th. de V. Commentaria in summam theologicam. Prima pars (Rome, 1507), reprinted in Sancti Thomae Aquinatis Doctoris Angelici Opera Omnia, vols. 4 and 5. Rome: Leonine, 1888–1889.

Caputo J. Radical Hermeneutics. Repetition, Deconstruction, and the Hermeneutic Project. Bloomington: Indiana University Press, 1987.

Carleton Th. C. De Signo, Logica, Disp. 42 // Carleton Th. C. *Philosophia Universalis*. Antwerp, 1649.

Chomsky N. *Language and Mind*. New York: Harcourt, Brace, & World, 1968.

Con Davis R. The Case for a Post-Structuralist Mimesis: John Barth and Imitation // *The American Journal of Semiotics* 3.3, 1985. P. 49–72.

Culler J. *Ferdinand de Saussure*. New York: Penguin, 1977.

Culler J. *The Pursuit of Signs. Semiotics, Literature, Deconstruction*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1981.

Culler J. *On Deconstruction. Theory and Criticism after Structuralism*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1982.

Danow D. *Text and Subtext // Semiotics 1987* / ed. John Deely. Lanham, MD: University Press of America, 1988.

Deely J. *Introducing Semiotic: Its History and Doctrine*. Bloomington: Indiana University Press, 1982.

Deely J. Editorial Afterword to *Tractatus de Signis: The Semiotic of John Poinot*. Berkeley: University of California Press, 1985. P. 391–514.

Deely J. *Semiotic as Framework and Direction, 1984* / Deely, Kruse, and Williams, eds., 1986. P. 264–271.

Deely J. *John Locke's Place in the History of Semiotic Inquiry // Semiotics. 1986a* / ed. Jonathan Evans and John Deely. Lanham, MD: University Press of America, 1987. P. 406–418.

Deely J. *Doctrine*, terminological entry for the *Encyclopedic Dictionary of Semiotics* / ed. Thomas A. Sebeok et al. Berlin: Mouton, 1986b. Tome I. P. 214.

Deely J. 1986c *The Coalescence of Semiotic Consciousness // Deely, Williams, and Kruse, 1986: 5–34.*

Deely J. 1986d. *Idolum. Archeology and Ontology of the Iconic Sign // Iconicity: Essays on the Nature of Culture, Festschrift volume in honor of Thomas A. Sebeok*, edited by Paul Bouissac, Michael Herzfeld, and Roland Posner. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 1986. P. 29–49.

Deely J. *On the Problem of Interpreting the Term 'First' in the Expression 'First Philosophy' // Semiotics 1987* / ed. J. Deely. Lanham, MD: University Press of America, 1987. P. 3–14.

Deely J. *The Semiotic of John Poinot: Yesterday and Tomorrow*, major discussion of reviews of and theoretical issues in the 1631–1632 work of Poinot // *Semiotica* 69. 1/2 (April), 1988. P. 31–127.

Deely J. 1988a. *The Subject Matter of Semiotic Inquiry // Semiotics 1988* / ed. Terry Prewitt John Deely, and Karen Haworth. Lanham, MD: University Press of America, 1989. P. 133–142.

Deely J. *How Does Semiosis Effect Renvoi?*, el Thomas A. Sebeok Fellowship Inaugural Lecture, presentada en la 18ava. Reunión Anual de la Semiotic Society of America en St. Louis el Viernes, 22 Octubre 1993a, que sera

publicada en *The American Journal of Semiotics*, pero ja publicado como el Capítulo 8 de Deely 1994a: P. 201–244.

Deely J. *Four Ages of Understanding*. The first postmodern survey of philosophy from ancient times to the turn of the twenty-first century. Toronto, Canada: University of Toronto Press, 2001.

Deely J. A sign is what?, a dialogue between a semiotician and a would-be realist // *Sign Systems Studies* 29.2, 2001a. P. 705–743.

Descartes R. 1637. *Discourse on the Method of Rightly Conducting the Reason and Seeking for Truth in the Sciences* / trans. Elizabeth S. Haldane and G. R. T. Gross // *The Philosophical Works of Descartes* (corrected reprint edition); New York: Dover, 1955, I. P. 79–130.

Descartes R. 1641. *Meditations on First Philosophy* / trans. Elizabeth S. Haldane and G. R. T. Gross // *The Philosophical Works of Descartes* (corrected reprint edition); New York: Dover, 1955, I. P. 131–199.

Eco U. *O Signo* / trans. into Portuguese by Maria de Fatima Marinho. 3a ed.; Lisbon: Editorial Presença of Segno. Milan: Istituto Editoriale Internazionale, 1973.

Eco U. *A Theory of Semiotics*. Bloomington: Indiana University Press, 1976.

Eco U. The Code: Metaphor or Interdisciplinary Category? // *Yale Italian Studies* 1.1 (Winter), 1977. P. 24–52.

Eco U. *Proposals for a History of Semiotics* // *Semiotics Unfolding* / ed. Tasso Borbé. Berlin: Mouton, 1979. P. 75–89.

Gibson J. *The Ecological Approach to Visual Perception*. Bloomington: Indiana University Press, 1979.

Gould S. J., Vrba E. S. Exaptation – A Missing Term in the Science of Form // *Paleobiology* 8.1 (Winter), 1982. P. 4–15.

Hall E. T. *Beyond Culture*. New York: Doubleday & Company, 1976.

Hawkes T. *Structuralism and Semiotics*. Berkeley: University of California Press, 1977.

Hjelmslev L. *Prolegomena to a Theory of Language*, being the second, revised translation by Francis J. Whitfield of *Omkring sprogteoriens grundlæggelse* (Copenhagen: Ejnar Munksgaard, 1943), incorporating “several minor corrections and changes that have suggested themselves in the course of discussions between the author and the translator” (Hjelmslev and Whitfield 1961, page v of this volume).

Jacob F. *The Possible and the Actual*. Seattle, WA: University of Washington Press, 1982.

Jakobson R. *Coup d’oeil sur le développement de la sémiotique* // *Panorama Sémiotique / A Semiotic Landscape* / ed. Seymour Chatman, Umberto Eco, and Jean-Marie Klinkenberg / *Proceedings of the International Association for Semiotic Studies*. Milan, June 1974; The Hague: Mouton, P. 3–18.

Johansen J. D. Sign Concept, Meaning, and the Study of Literature // *Semiotics* 1982 / ed. John Deely and Jonathan Evans. Lanham, MD: University Press of America, 1987. P. 473–482.

Johansen J. D. Prolegomena to a Semiotic Theory of Text Interpretation // *Semiotica* 57.3/4, 1985. P. 225–288.

Jameson F. *The Prison House of Language: A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism*. Princeton: Princeton University Press, 1972.

King T. Text and Object: Distinguishing Them as Interpretations // *Semiotics* 1987. Lanham, MD: University Press of America, 1988. P. 99–106.

Locke J. *An Essay Concerning Humane Understanding*. London: Thomas Bassett, 1690 // Deely, Williams, and Kruse 1986. P. 2–4.

Lovelock J. E. Gaia as Seen through the Atmosphere // *Atmosphere and Environment* 6, 1972. P. 579–580.

Lovelock J. E. *Gaia. A New Look at Life on Earth*. Oxford, England: Oxford University Press, 1979.

Lovelock J. E. *The Ages of Gaia: A Biography of Our Living Earth*. New York: W. W. Norton, 1988.

Maritain J. Language and the Theory of Sign, 1957 // Deely et al. 1986: 51–62.

Maritain J. Notebooks, Chapter 3, 1964 / translated by Joseph W. Evans; New York: Albany, 1984. P. 81–99.

Merrell F. An Uncertain Semiotic // *The Current in Criticism. Essays on the Present and Future of Literary Theory* / ed. Clayton Koelb and Virgil Lokke. West Lafayette, IN: Purdue University Press, 1988. P. 243–264.

Morgan Th. Is There an Intertext in This Text: Literary and Interdisciplinary Approaches to Intertextuality // *The American Journal of Semiotics* 3.4, 1985. P. 1–40.

Morris Ch. *Signs, Language and Behavior*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1946.; reprinted complete in Charles Morris, *Writings on the General Theory of Signs*, ed. Thomas A. Sebeok. *Approaches to Semiotics* 16; The Hague: Mouton, 1971. P. 73–397.

Peirce Ch. S. c.1902. Ms. 599, Reason's Rules (Robin p. 74), partially included in CP 5.538–545.

Peirce Ch. S. c.1902a. Minute Logic, draft for a book complete consecutively only to Chapter 4. Published in CP in extracts scattered over six of the eight volumes, including 1.203-283, 1.575-584; 2.1-202, 2.757n1; 4.227-323; 6.349-352; 7.279, 7.374n10, 7.362-387 except 381n19. (For fuller detail, see Burks 293–294).

Peirce Ch. S. 1903. Lowell Lectures, Some Topics of Logic Bearing on Questions Now Vexed, esp.: lect. IIIA, Lessons from the History of Philosophy, CP 1.15-26; draft 3 of lect. 3 entitled Degenerate Cases in CP 1.521-544; lect. 8, How To Theorize, CP 5.590-604 (Burks p. 295); and the section published in CP 4.510–529 under the title The Gamma Part of Existential Graphs.

Peirce Ch. S. 1906, March 9. 52-page draft letter to Lady Welby (under Robin L463, p. 200), ms. pp. 24–30 excerpted in Hardwick 1977: 195–201.

Poinsot J. *Artis Logicae Secunda Pars*. Alcalá, Spain, 1632. From R I: 249–839.

Poinsot J. 9 July 1589 – 1644 June 17. 1632a. *Tractatus de Signis*, subtitled *The Semiotic of John Poinsot*, extracted from the *Artis Logicae Prima et Secunda Pars* of 1631–1632 (above two entries) and arranged in bilingual format by John Deely in consultation with Ralph A. Powell. First Edition; Berkeley: University of California Press, 1985.

Ricoeur P. *Hermeneutics & the Human Sciences* / ed. and trans. John B. Thompson. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Russel A. F. 1982. *The Semiosis Linking Human World and Physical Reality // Semiotics 1982*. Lanham, MD: University Press of America, 1987. P. 591–600.

Saussure F. de. i.1906–1911. Lectures delivered at the University of Geneva and published from auditors' notes by Charles Bally and Albert Sechehaye with the collaboration of Albert Riedlinger under the title *Cours de Linguistique Generale* in 1916; critical edition prepared by Tullio de Mauro. Paris: Payot, 1972.

Scholes R. *Semiotics and Interpretation*. New Haven, CT: Yale University Press, 1982.

Sebeok Th. A. 1976. Foreword (pp. ix-xiii) to original publication of Sebeok 1985 following.

Sebeok Th. A. *Ecumenicalism in Semiotics // A Perfusion of Signs* / ed. Thomas A. Sebeok. Bloomington: Indiana University Press, 1977. P. 180–206.

Sebeok Th. A. 9 November 1920–2001 December 21. *Vital Signs*, Presidential Address delivered October 12 to the ninth Annual Meeting of the Semiotic Society of America, Bloomington, Indiana, October 11–14 1984a.

Sebeok Th. A. *Signs of Life // International Semiotic Spectrum 2*. June 1984b, 1–2.

Sebeok Th. A. *Semiotics in the United States*, introduction to *American Signatures*. Norman: University of Oklahoma Press, 1989.

Todorov T. *Mikhail Bakhtin: The Dialogical Principle*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1984 / English trans. by Wlad Godzich from the French original, Mikhail Bakhtine: *Le Principe Dialogique Suivi de Écrits da Cercle de Bakhtine*. Paris: Éditions du Seuil, 1981.

Toulmin S. *The Construal of Reality: Criticism in Modern and Postmodern Science // The Politics of Interpretation*, ed. W. J. T. Mitchell. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1982.

Uexküll J. von. *Kompositionslehre der Natur. Biologie als undogmatische Naturwissenschaft*, selected writings edited and with an introduction by T. von Uexküll. Frankfurt a. M.: Ullstein, 1899–1940.

Volosinov V. N. *Marxism i filozofia iazyka. Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o iazyke*, 1929 / translated by Ladislav Matejka and I. R. Titunik as *Marxism and the Philosophy of Language*. New York: Seminar Press, 1973.

Williams B. *What Has History To Do with Semiotic?* // *Semiotica* 54.1/2; preprinted in revised monograph form with index and historically layered bibliography under the title *History and Semiotic*. Victoria College of the University of Toronto: Toronto Semiotic Circle Number 4, Summer 1985.

Williams B., Pencak W. (Guest Editors). *Special Issue: History and Semiotics* // *Semiotica*, 1991. 83-3/4.